БИБЛІОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.
Зала
Шкафъ
Полка
№
ИСКЛЮЧЕНЪ ИЗЪ БИБЛ.
И. Р. ГЕОГР. ОБЩ.

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1853.

ТОМЪ II.

МОСКВА.
Въ типографіяхъ В. Готье, Университетской и Степановой.
1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Марта 1 дня, 1853 года.

Цензоръ *Дмитрій Ржевскій.*

МОСКВИТЯНИНЪ.

1853.

№ 5. Мартъ. Кн. 1.

Вед. ... Журнальный фонд.
56013

НЕ ВЪ СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ.

КОМЕДІЯ

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

СОЧИНЕНІЕ

А. Н. Островскаго.

Играна въ Москвѣ, на большомъ театрѣ, 1853 г., января 14 дня.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Максимъ Ѳедотычъ Русаковъ, богатый купецъ.	*П. М. Садовскій.*
Авдотья Максимовна, его дочь. . . .	*Л. П. Никулина-Косицкая.*
Арина Ѳедотовна, его сестра, пожилая дѣвушка.	*С. П. Акимова.*
Селиверстъ Потапычъ Маломальскій, содержатель трактира и гостинницы. .	*П. Г. Степановъ.*
Анна Антоновна, жена его.	*А. Т. Сабурова.*
Иванъ Петровичъ Бородкинъ, молодой купецъ, имѣющій мелочную лавочку и погребокъ.	*С. В. Васильевъ.*
Викторъ Аркадьичъ Вихоревъ, проѣзжій.	*С. В. Шумскій.*
Андрей Андреичъ Баранчевскій, чиновникъ.	*К. П. Колосовъ.*
Степанъ, слуга Вихорева.	*Г. Кремневъ.*
Половой въ гостинницѣ.	*Г. Матвѣевъ.*

Мальчикъ и дѣвушка (безъ рѣчей).

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ Черемухинѣ.

ДѢЙСТВІЕ I.

(Общая комната въ гостинницѣ; на задней и по боковымъ стѣнамъ по двери, въ лѣвомъ углу отъ зрителя столъ).

ЯВЛЕНІЕ I.

СТЕПАНЪ *(сидитъ за столомъ и ѣстъ селедку на синей сахарной бумагѣ).* **ПОЛОВОЙ** *(стоитъ подлѣ него съ полотенцемъ на плечѣ).*

СТЕПАНЪ.

Что ты, братецъ, смотришь? Не завидное кушанье! Тонкое житье! Третій день вотъ селедками пробавляюсь; а что въ нихъ проку-то, только пьешь да въ животѣ бурчитъ.

ПОЛОВОЙ.

Что вашъ баринъ-то, служащій?

СТЕПАНЪ.

Да, служили мы съ бариномъ-то безъ году недѣлю.

ПОЛОВОЙ.

Что жъ такъ мало-съ?

СТЕПАНЪ.

Гмъ! гдѣ ему служить! Не то у него на умѣ и при томъ же гордъ... *(глотаетъ съ трудомъ).* Кто я! да что я! Да другія провинности, да шалушки водились, такъ все къ одному пригнали, да и маширъ на хаусъ.

ПОЛОВОЙ.

А имѣніе-то есть у васъ?

СТЕПАНЪ.

Было большое село, да отъ жару въ кучу свело. Все-то разорено, все-то промотано. То-есть, повѣришь ли ты, другъ

мой, пріѣхали мы это въ деревню,—ни кола, ни двора; а хлѣбъ-то на полѣ, такъ не глядѣли бъ глаза мои: колосъ отъ колоса, не слыхать дѣвичьяго голоса.

ПОЛОВОЙ.

А много-ль душъ-то?

СТЕПАНЪ.

У тятеньки-то было полтораста, а у насъ только одиннадцать, да я двѣнадцатый—дворовый. Вотъ и всѣ.

ПОЛОВОЙ.

За чѣмъ же вашъ баринъ сюда пріѣхалъ?

СТЕПАНЪ.

Жениться хочетъ, изъ себя очень красивъ... Какъ женюсь, говоритъ, на богатой, всѣ дѣла поправлю. (*Голосъ за сценой*: Степанъ!)

Иду-съ (*завертываетъ селедку въ бумагу и кладетъ въ карманъ. Уходитъ. Половой стираетъ со стола полотенцемъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

БОРОДКИНЪ и МАЛОМАЛЬСКІЙ (*входятъ*).

БОРОДКИНЪ.

Теперича которыя я вина получилъ, Селиверстъ Потапычъ, такъ останетесь довольны, первѣйшаго сорта.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Молодцы! соберите чайку... поскорѣй... лучшаго... (*садится за столъ*).

БОРОДКИНЪ.

Если вы теперича попробуете, такъ вы завсегда будете предпочитать брать у меня. А я вамъ, Селиверстъ Потапычъ, завсегда могу этимъ дѣломъ услужить. (*Половой приноситъ чай и ставитъ на столъ. Бородкинъ начинаетъ мыть чашки и разливать*). Позвольте васъ поподчивать бутылочку лисабончику.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Я, братъ, ничего... я выпью.

ВОРОДКИНЪ.

Мальчикъ! Паренёкъ! (*входитъ мальчикъ*). Сбѣгай въ лавку, скажи прикащику, чтобъ отпустилъ бутылку лисабону лучшаго. (*Мальчикъ уходитъ. Бородкинъ разливаетъ чай*). А ему, Селиверстъ Потапычъ, нѣтъ, вретъ, не удастся ему замарать меня.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Теперича, если ты ведешь свои дѣла правильно, и значитъ, аккуратно... ну, и никто тебя не можетъ замарать.

ВОРОДКИНЪ.

Я, истинно, Селиверстъ Потапычъ, благодарю Бога, какъ остался я послѣ родителя семнадцати лѣтъ, всякое притѣсненіе терпѣлъ отъ родныхъ, и теперича, который капиталъ отъ тятеньки остался, я даже могъ рѣшиться всего капиталу. Все это я перенесъ равнодушно, и когда я пришелъ въ возрастъ какъ должно, не токма чтобы я промоталъ, или тамъ какъ прожилъ; а сами знаете, можетъ быть, вдвое-съ, живу самъ по себѣ, своимъ умомъ, и никому уважать не намѣренъ.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Это ты въ правилѣ... дѣйствуешь.

ВОРОДКИНЪ (*стучитъ крышкой чайника*).

Кипяточку! (*половой подходитъ и беретъ чайникъ*).

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Ты... имѣешь свою... правилу...

ВОРОДКИНЪ.

Опять, Селиверстъ Потапычъ, за что онъ меня обижаетъ?

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Онъ не долженъ этого....

ВОРОДКИНЪ.

Теперича онъ пущаетъ слухъ, яко бы, то-есть, я занимаюсь

этимъ малодушествомъ — пить. Такъ это онъ вретъ; кто меня видѣлъ пьянымъ?... Опять хоша бъ я доподлинно пилъ, всё-таки, стало-быть, на свои, что ли я на его счетъ буду пить. А всё это главная причина—одна зависть. *(Половой приноситъ воды. Бородкинъ разливаетъ).* А можетъ онъ того не знаетъ, что я плевать хотѣлъ на все это.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Слушай ты! Оставь втунѣ... пренебреги! Какъ ты свой кругъ имѣешь дѣла, и дѣйствуешь ты примѣрно въ этомъ кругѣ.... такъ ты и долженъ дѣйствовать, и тебѣ ничего не можетъ препятствовать никто.

БОРОДКИНЪ.

Всё-таки обидно. Говорится пословица: добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ. За чѣмъ я теперь скажу про человѣка худо? лучше я долженъ сказать про человѣка хорошо.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Это правильно говоришь.

БОРОДКИНЪ.

Всякій по чужимъ словамъ судитъ. А почемъ онъ знаетъ, можетъ онъ мнѣ этимъ вредъ дѣлаетъ. Я жениться хочу, такъ кому же это нужно, когда про человѣка такая слава идетъ.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Слушай! Коли ты женишься... Кто же можетъ ему повѣрить... потому, какъ онъ есть пустой человѣкъ и съ позволенія сказать, ничтожный его весь разговоръ.... Никому вреда.... окромя себѣ.

БОРОДКИНЪ.

Конечно, Селиверстъ Потапычъ, всякой знаетъ, что все это напосныя слова,—да къ чему же это-съ? Что я ему сдѣлалъ? я объ немъ и думать-то забылъ, потому какъ онъ невѣжа и ругатель.

ПОЛОВОЙ *(приноситъ бутылку).*

Прикажете откупорить?

БОРОДКИНЪ.

Откупори, да бокальчиковъ дай!

ПОЛОВОЙ.

Сей-часъ (*откупориваетъ, подаетъ на подносъ два бокала и наливаетъ*).

БОРОДКИНЪ.

Пожалуйте-съ (*берутъ бокалы и пьютъ*). Какъ на вашъ вкусъ?

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Ничего... живетъ.... Эй ты! Прибирай чай.

БОРОДКИНЪ.

Я вамъ это самое по полтинничку поставлю. (*Молчаніе. Пьютъ*). А я вамъ вотъ... передъ истиннымъ... то-есть, не то чтобы пьянство, или тамъ что другое, а больше того стараюсь, чтобы люди про меня хорошее говорили! Какъ живу я при матушкѣ теперича пятый годъ, сами знаете, честно и благородно... Пожалуйте еще... выкушайте (*наливаетъ*). Никого я не трогаю, значитъ никому до меня дѣла нѣтъ. Конечно, я по молодости своей обязанъ уважать старшимъ, да не всякому же, другой не стоитъ того и вниманія, чтобъ ему уважать-то. А я къ вамъ съ просьбою, Селиверстъ Потапычъ, заставьте за себя Богу молить (*встаетъ и кланяется въ поясъ*).

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Какая же можетъ быть твоя просьба?

БОРОДКИНЪ.

Это дѣло будетъ касаться Максима Ѳедотыча... Я теперича буду васъ просить замолвить за меня словечко.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

То-есть на счетъ чего же... это... касающее?...

БОРОДКИНЪ.

На счетъ Авдотьи Максимовны-съ! Есть на то мое желаніе и маминькино-съ.

маломальскій.

Это ничего... это можно...

бородкинъ.

Вы не думайте, Селиверстъ Потапычъ, чтобы я польстился на деньги, или тамъ на приданое, ничего этого нѣтъ; мнѣ что приданое,— Богъ съ нимъ, потому у меня и своего довольно; а какъ собственно я очень влюбленъ въ Авдотью Максимовну. Стараюсь объ ней, примѣрно, не думать, никакъ невозможно, потому, это сверхъ моихъ чувствъ. Повѣрите ли, Селиверстъ Потапычъ, сядешь это вечеромъ дома къ окну, возьмешь гитару, собственно какъ для увеселенія себя, такая найдетъ на тебя тоска, что даже до слезъ.

маломальскій.

Это я могу... орудовать...

бородкинъ.

И мнѣ кажется, ничего въ жизни не надо, кромѣ какъ если бы Максимъ Ѳедотычъ отдали за меня Авдотью Максимовну, хотя бы даже безо всякаго награжденія.

маломальскій.

Это все въ нашихъ рукахъ.

бородкинъ.

Будьте отецъ и благодѣтель. Нынче Максимъ Ѳедотычъ зайдутъ къ вамъ, такъ ужъ вы ему поговорите, а ужъ я вамъ по гробъ жизни буду обязанъ, то-есть вотъ какъ-съ, скажите: Иванъ, сдѣлай то,—я всей душой-съ. Прикажете еще бутылочку послать?

маломальскій.

Что жъ... посылай...

бородкинъ (*половому*).

Пошли мальчика-то, чтобъ еще бутылочку принесъ.

половой.

Слушаю-съ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и **РУСАКОВЪ** *входитъ.* **БОРОДКИНЪ** *быстро встаетъ и кланяется.* **МАЛОМАЛЬСКІЙ** *тоже встаетъ.*

БОРОДКИНЪ (*показывая на диванъ*).

Пожалуйте-съ, Максимъ Ѳедотычъ! наше вамъ почтенье.

РУСАКОВЪ.

Ну вотъ, сватъ, я къ тебѣ пришелъ, чѣмъ-то ты меня станешь подчивать.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Китайскихъ травъ... первыхъ сортовъ... велимъ подать.

РУСАКОВЪ.

Ну тебя съ травами.

БОРОДКИНЪ.

Домашнія ваши здоровы ли, Авдотья Максимовна, Арина Ѳедотовна?

РУСАКОВЪ.

Ничего, живутъ помаленьку. Ты, Иванушко, что къ намъ рѣдко заглядываешь?...

БОРОДКИНЪ.

Побываю, Максимъ Ѳедотычъ, какъ-нибудь-съ. Это время всегда дѣлцики были. Не прикажете ли рюмочку лисабончику?

РУСАКОВЪ.

Нѣтъ, я этого, братъ, не пью. А вотъ съ дорожки-то ты бы, сватъ, велѣлъ подать рюмочку ерофеичу.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Молодцы! Ерофеичу подайте... поскорѣй, домашняго... да закусочки... Слышь ты, скажи женѣ, что сватъ молъ пришелъ. (*Половой уходитъ*).

РУСАКОВЪ.

Объ чемъ вы тутъ, дружки, толкуете?

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Такое дѣло примѣрно... важное, разсудку требуетъ.

РУСАКОВЪ.

Это ты хорошо, Иванушко, дѣлаешь, что къ старшимъ за совѣтомъ ходишь. Умъ хорошо, а два лучше... Хоть ты парень и умный, а старика послушай... старикъ тебѣ худа не посовѣтуетъ... такъ ли я говорю? а?

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Это ты правильно...

(Половой приноситъ водку и ставитъ на столъ).

РУСАКОВЪ *(пьетъ).*

А ты, сватъ, выпьешь?

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Я, сватъ... я выпью... я нынче загулялъ (*пьетъ, дѣлаетъ серьезную физіономію*). А у меня есть слово къ тебѣ, сватъ...

РУСАКОВЪ.

Какое же это слово?

МАЛОМАЛЬСКІЙ (*съ важною физіономіею показываетъ на Бородкина*).

Теперича этотъ молодецъ... гмъ!... къ примѣру... (*мигаетъ глазомъ*). То-есть, примѣрно, приходитъ онъ ко мнѣ... И всё этакое...

РУСАКОВЪ.

Да ты полно ломаться-то... Ты и такъ-то разговаривать не мастеръ, а какъ ужъ важность-то на себя напустишь, такъ хоть вовсе брось.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Погоди... дѣло говорю. Гмъ!... Выпьемъ сперва-наперва.

РУСАКОВЪ.

Пей—я не хочу.

МАЛОМАЛЬСКІЙ (*пьетъ и морщится*).

Только вотъ приходитъ онъ ко мнѣ... видишь... такъ и такъ, говоритъ... что онъ, примѣрно сказать, влюбленъ... (*Бородкинъ*

встаетъ). Ну, и значитъ... онъ проситъ меня, чтобы я руководствовалъ его... всему этому дѣлу...

РУСАКОВЪ.

Ну!...

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Ты погоди!... Какъ онъ теперь въ состояніи... то-есть... при всемъ своемъ полномъ капиталѣ... Ну, и долженъ законнымъ бракомъ... гмъ... приходитъ это, примѣрно, ко мнѣ...

РУСАКОВЪ.

Ужъ слышали.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Я, сватъ... я говорить не умѣю; а то-есть, у тебя, примѣрно, товаръ, а у насъ купецъ...

РУСАКОВЪ.

У тебя, сватъ, не разберешь, такъ ли ты городишь, зря, или ты про дѣло толкуешь.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Про дѣло, сватъ.

РУСАКОВЪ.

Такъ про дѣло дѣломъ и толковать надо, а не такъ. Вѣдь это не шутка, ты самъ посуди, это на вѣкъ.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Послушай, сватъ... ты намъ теперь-то что-нибудь, примѣрно, хоть обинякомъ...

РУСАКОВЪ.

Да что вамъ сказать-то? Ты знаешь, Дуня у меня одна... Одно утѣшеніе только и есть. Мнѣ не надо ни знатнаго, ни богатаго, а чтобы былъ добрый человѣкъ, да любилъ Дунюшку, а мнѣ бы любоваться на ихъ житье, право такъ; я значитъ долженъ это дѣло сдѣлать съ разумомъ, потому мнѣ придется за нее Богу отвѣчать.

БОРОДКИНЪ.

Конечно, Максимъ Ѳедотычъ, главная причина, какъ сама Авдотья Максимовна, какъ имъ человѣкъ понравится.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Это опъ... такъ точно.

РУСАКОВЪ.

Врете вы оба—статочное ли дѣло, чтобъ повѣрить дѣвкѣ, кто ей понравится... Извѣстно дѣло дѣвичье — глупое!... Дѣвку долго ли обмануть!... Вѣтрогонъ какой-нибудь, прости Господи, подвернется, подластится; ну, дѣвка и полюбитъ; такъ ее и отдавать безъ толку?... Нѣтъ, это не порядокъ. Пусть мнѣ человѣкъ понравится, я не за того отдамъ, кого она полюбитъ, а за того, кого я полюблю. Да, кого я полюблю, за того и отдамъ. Да, я годъ буду смотрѣть на человѣка, со всѣхъ сторонъ его огляжу. А то какъ дѣвкѣ повѣрить? Что она видѣла? Кого она знаетъ?... А я, сватъ, недаромъ шестьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ живу, видалъ таки людей-то; меня на кривой-то не объѣдешь.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Ты слушай, сватъ, значитъ за кого отецъ... за того и ступай... потому онъ лучше... какъ можно... дѣвкѣ гдѣ?... Дай имъ волю-то... послѣ и не разчерпаешь, такъ ли... а?...

РУСАКОВЪ.

Да ты что?... все ты не дѣло толкуешь!... Моя дочь не такая!... моя Дунюшка вылитая женй покойница... Помнишь, сватъ?... Ну, что? роптать грѣхъ (*утирая слезы*). Годковъ тридцать пожилъ—и за то долженъ Бога благодарить. Да какъ пожилъ! Тридцать лѣтъ слова неласковаго другъ отъ друга не слыхали. Она голубка, бывало, куда придетъ, тамъ и радость. Вотъ и Дуня такая же, пусти ее къ лютымъ звѣрямъ, и тѣ ее не тронутъ. Ты на нее посмотри, уже въ глазахъ-то только любовь да кротость. Она будетъ любить всякаго мужа, надо найти ей такого, чтобъ ее-то любилъ, да могъ бы понять, что это за душа... душа у ней русская.

БОРОДКИНЪ.

Я, Максимъ Ѳедотычъ, это очень могу понимать-съ.

РУСАКОВЪ.

Что жъ, Иванушко, я тебя обманывать не стану; ты мнѣ ра-

вишься, ты парень хорошій; лучше тебя у насъ въ городѣ парня нѣтъ. Заходи ужотко, да скажи матери, чтобъ побывала, я съ ней поговорю.

(Мальчикъ приноситъ бутылку вина).

БОРОДКИНЪ.

Первымъ долгомъ почту передать это своей родительницѣ-съ.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Ну, такъ по рукамъ... что ль... а?... А вотъ теперь, сватъ, давайте... вопче... всѣ выпьемъ *(пьютъ)*.

РУСАКОВЪ *(встаетъ)*.

Ну, прощай, сватъ.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Погоди!

РУСАКОВЪ.

Некогда, дома обѣдать ждутъ.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Нѣтъ, постой... я тебѣ разскажу исторію... Слышь ты... остановились у меня проѣзжіе... только, примѣрно, напились... и какой же маскарадъ сдѣлали.

РУСАКОВЪ.

Ну тебя съ маскарадомъ! Прощай!

БОРОДКИНЪ.

Я вотъ сбѣгаю въ лавку, заверну домой-съ, да и къ вамъ-съ *(уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАЛОМАЛЬСКІЙ *одинъ, потомъ* **АННА АНТОНОВНА.**

МАЛОМАЛЬСКІЙ *(допиваетъ, стучитъ по столу и кричитъ).*

Эй! молодцы!.... прибирай всё, слышь ты, прибирай.... *(стучитъ)*.

АННА АНТОНОВНА *(входитъ)*.

Необразованность ты моя! что ты шумишь-то?... Мужикъ!... мужикъ!...

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Жена! молчи! дѣло сдѣлали... теперь гуляй!...

АННА АНТОНОВНА.

Стѣнъ-то бы ты постыдился, что ты орешь-то?...

(Приходитъ половой, собираетъ со стола, уноситъ подносъ и опять приходитъ).

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Жена! поди сюда... дѣло сдѣлали...

АННА АНТОНОВНА.

Необразованность!

МАЛОМАЛЬСКІЙ,

Веди меня... я спать хочу... *(жена беретъ его за руку и ведетъ).* Постой, поцѣлуй меня!...

АННА АНТОНОВНА.

Пойдемъ, пойдемъ, безпутный! (*уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ПОЛОВОЙ, БАРАНЧЕВСКІЙ *и* **ВИХОРЕВЪ,** *входятъ.*

ВИХОРЕВЪ.

Вотъ какъ это случилось: я услыхалъ, что у Русакова много денегъ; ну, и пріѣхалъ сюда изъ деревни нарочно, думаю, рискну! Ужь либо панъ, либо пропалъ... Отрекомендовался ему, познакомились; а съ ней-то я познакомился черезъ хозяйку здѣшнюю Анну Антоновну. Авдотья Максимовна къ ней ходитъ иногда. Ну, знаешь, поразговорилась, то, да сё, а тутъ ужъ долго ли влюбиться.

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Что толковать!...

ВИХОРЕВЪ.

Дѣло въ томъ, Баранчевскій, что мнѣ нужны деньги. Состояніе, которое у меня было когда-то, давно прожито, имѣніе разстроено. Мой другъ! мнѣ жить не чѣмъ, мнѣ не съ чѣмъ въ

Москву пріѣхать, а я тамъ много долженъ. Мнѣ нужно жениться на богатой, во чтобы ни стало; это единственное средство.

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Женись на Русаковой! Чего жь тебѣ лучше. Къ тому же она въ тебя влюблена!

ВИХОРЕВЪ.

Влюблена-то она влюблена, да что скажетъ отецъ. А что, Баранчевскій, много у него денегъ?...

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Полмилліона навѣрно.

ВИХОРЕВЪ.

Нѣтъ, ты не шутишь?

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Что за шутки! Непремѣнно есть полмилліона, если не больше (*смотритъ на часы*). Торопиться-то мнѣ некуда; давай выпьемъ маленькую.

ВИХОРЕВЪ.

Изволь.

БАРАНЧЕВСКІЙ (*половому*).

Бутылку шампанскаго (*садятся*).

ВИХОРЕВЪ.

Нѣтъ, послушай, Баранчевскій, неужели въ самомъ дѣлѣ у Максима Ѳедотыча полмилліона?

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Что жь тутъ мудренаго! У насъ много богатыхъ купцовъ! Я самъ взялъ за женой полтораста тысячъ.

ВИХОРЕВЪ.

Ты?... Нѣтъ, ужь это, братъ, шутки!... Я этому не повѣрю!

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Не вѣрь пожалуй; а я вотъ имѣніе купилъ, премиленькое, верстахъ въ семи отъ города, душъ 200, домъ отдѣланъ великолѣпнымъ образомъ.

ВИХОРЕВЪ.

Баранчевскій! Да ты великой человѣкъ! Счастливчикъ просто! А мнѣ такъ вотъ нѣтъ счастья. Я было въ Москвѣ тоже присватался за одну—кушъ порядочный; влюбилась съ дуру ужасъ какъ, просто средствъ нѣтъ никакихъ, да не отдаютъ ни за какія благополучія,—я такъ, сякъ, увезти хотѣлъ, да съ ней-то не столкуешь; дура ужаснѣйшая! Дура à la lettre, moncher, такое несчастіе!

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Одно, братъ, непріятно, ужъ сей-часъ замѣтно, что изъ купчихъ.

ВИХОРЕВЪ.

Что за важность! Стоитъ объ этомъ разговаривать! Послушай, Баранчевскій, будь другъ, ты мнѣ помоги!

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Еще бы не помочь!

ВИХОРЕВЪ.

Вѣдь этотъ народъ не понимаетъ самой простой истины!... Что такое деньги?... Ни больше, ни меньше, какъ средство жить порядочно, въ свое удовольствіе. А они стараются какъ можно больше копить, и какъ можно меньше проживать; а ужь доказано всѣми науками, что это вредно... для торговли... и для цѣлаго общества.

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Такъ, такъ, душа моя, такъ!

ВИХОРЕВЪ.

Вотъ видишь, если бы у тебя не было денегъ, ты бы не спросилъ бутылки шампанскаго, а этимъ поддерживается торговля (*Баранчевскій утвердительно киваетъ головой*). Слѣдовательно, если мы, люди образованные и со вкусомъ, но безъ средствъ, женимся на богатыхъ, и такимъ образомъ, даемъ, знаешь, нѣкоторое движеніе... Можно ли насъ за это упрекнуть?

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Ни коимъ образомъ!

ВИХОРЕВЪ.

А вѣдь есть такіе философы, которые осуждаютъ это!...

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Осуждай, пожалуй!...

ВИХОРЕВЪ.

Теперь ты возьми въ расчетъ мой меланхолическій характеръ, мнѣ и такъ все кажется въ черномъ цвѣтѣ; а во время безденежья... ты себѣ и вообразить не можешь... При деньгахъ я совсѣмъ другой человѣкъ, я дѣлаюсь веселъ, развязенъ, могу заняться дѣломъ... Нѣтъ, Андрюша, въ самомъ дѣлѣ!... Особенно въ послѣднее время, обстоятельства были очень плохи, такая, братецъ, тоска нашла; хандрить началъ. Серьезно я говорю, помоги, Баранчевскій!...

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Изволь, изволь!...

ВИХОРЕВЪ.

А вотъ, во-первыхъ, есть у тебя экипажъ хорошій?

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Лучшій въ городѣ.

ВИХОРЕВЪ.

Ты мнѣ одолжи его къ нимъ съѣздить.

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Съ удовольствіемъ, мой другъ (*встаютъ и ходятъ по сценѣ*). Что жь вина не даютъ.

ВИХОРЕВЪ (*ухватывая его за талію*).

Такъ-то, Андрюша!... вотъ дѣла-то!... Привелъ Богъ свидѣться!... Однако ты потолстѣлъ.

(*Половой приноситъ бутылку и два стакана, ставитъ стаканы на столъ и откупориваетъ*).

ВИХОРЕВЪ.

Безъ грому, братецъ, безъ грому; я этого терпѣть не могу (*садятся къ столу. Половой наливаетъ имъ стаканы и отходитъ къ сторонѣ. Пьютъ молча*). Что это у васъ за шумъ былъ?...

половой.

Хозяинъ загулялъ-съ.

вихоревъ.

Что жь, это съ нимъ часто бываетъ?

половой.

Современемъ бываетъ-съ. Съ знакомыми сидѣли, Максимъ Ѳедотычъ былъ-съ, Бородкинъ.

вихоревъ.

И Максимъ Ѳедотычъ былъ?

половой.

Былъ-съ. Они дочьку просватали-съ.

вихоревъ.

Что за вздоръ!... Ты, братецъ, врешь; за кого?

половой.

За Бородкина-съ.

вихоревъ.

Это пустяки, этого быть не можетъ. Послушай, мой другъ, вотъ это несчастіе!... вотъ что называется несчастіе!... (*вскакиваетъ*). Это, наконецъ, чортъ знаетъ, что такое... Понимаешь ли ты, я за этимъ ѣхалъ сюда!... Согласись, Баранчевскій, что вѣдь это ужасно досадно!... Кто этотъ Бородкинъ?...

половой.

Здѣшній купецъ-съ.

вихоревъ.

Что онъ богатъ, хорошъ собою, образованъ?...

половой.

Какъ есть изъ русскихъ-съ.

вихоревъ.

Родство что ли у него богатое?

половой.

Какое родство-съ! Нашему слѣсарю двоюродный кузнецъ!

ВИХОРЕВЪ.

Такъ она за него не пойдетъ ни за что! Я говорю тебѣ, Баранчевскій, что она влюблена въ меня; не стану же я тебя обманывать. Или, можетъ быть, у васъ тутъ обычай выдавать насильно. Вѣдь кто васъ знаетъ. Заѣдешь въ такую глушь!... Это чортъ знаетъ какъ досадно.

ПОЛОВОЙ.

Одна необразованность; по не образованію все дѣлается.

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Ну, изъ чего ты такъ горячишься?

ВИХОРЕВЪ.

Да, вотъ ты тутъ устроился, такъ тебѣ и хорошо: тебѣ тепло здѣсь съ богатой-то женой; а я чѣмъ виноватъ. Ты представь мое-то положеніе!... *(ходитъ по комнатѣ)*. Однако, что жъ мнѣ теперь дѣлать?

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Вотъ что дѣлать: поѣдемъ ко мнѣ обѣдать, я тебя съ женой познакомлю; а вечеромъ возьми моихъ лошадей, да и поѣзжай къ Русакову, объяснись съ нимъ поумнѣе, можетъ быть, еще это все вздоръ.

ВИХОРЕВЪ.

Ну, такъ ѣдемъ. Допивай!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже и **АННА АНТОНОВНА.**

АННА АНТОНОВНА.

Викторъ Аркадьичъ! Викторъ Аркадьичъ!

ВИХОРЕВЪ *(подходя къ ней)*.

Что вамъ угодно?

АННА АНТОНОВНА.

Вашъ предметъ у меня теперь сидитъ; она собирается домой, такъ вы посидите, я ее здѣсь проведу.

ВИХОРЕВЪ.

Благодарю васъ.

АННА АНТОНОВНА.

Амуръ! *(уходитъ).*

ВИХОРЕВЪ (*поправляется передъ зеркаломъ*).

Ты поѣзжай, да пришли за мной лошадей; я сей-часъ пріѣду. *(Половому).* А ты пошелъ вонъ.

БАРАНЧЕВСКІЙ.

Ну, прощай, я тебя жду *(уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

ВИХОРЕВЪ (*одинъ*).

Если этотъ Максимъ Ѳедотычъ не согласится, такъ я ее увезу; нечего и разговаривать!... Будетъ, помаялся, надобно чѣмъ-нибудь кончить. Что жь мнѣ въ ремесленники что ли идти?.. Нѣтъ, какъ у меня деньги-то въ карманѣ, такъ мнѣ что хочешь ной, никого и слушать не хочу.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ВИХОРЕВЪ, АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА *и* АННА АНТОНОВНА *входятъ.*

ВИХОРЕВЪ.

Какая нечаянность! *(раскланивается. Авдотья Максимовна кланяется ему).*

АННА АНТОНОВНА *(тихо, Вихореву).*

Поговорите, полюбезничайте, а я посмотрю, не взошелъ бы кто.

ВИХОРЕВЪ.

Я долженъ съ вами проститься, Авдотья Максимовна!... *(Авдотья Максимовна стоитъ въ недоумѣніи).* Я ѣду отсюда.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Зачѣмъ же вы ѣдете, Викторъ Аркадьичъ?

ВИХОРЕВЪ.

А зачѣмъ мнѣ оставаться, Авдотья Максимовна?... Я слышалъ, вы выходите замужъ?

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Это неправда, Викторъ Аркадьевичъ, это васъ обманули — это только хотятъ насъ разстроить. И кому это только нужно!

ВИХОРЕВЪ.

Помилуйте, нынче утромъ Максимъ Ѳедотычъ далъ слово какому-то Бородкину. Согласитесь сами, послѣ этого что же мнѣ здѣсь дѣлать!

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Ахъ, Боже мой! Тятенька мнѣ ничего не говорилъ объ этомъ. Я не пойду за Бородкина, Викторъ Аркадьичъ, вы не безпокойтесь, пожалуйста.

ВИХОРЕВЪ.

Вамъ тятенька прикажетъ идти.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Ахъ, нѣтъ, тятенька меня любитъ. Я скажу ему, что не люблю Бородкина; онъ насильно не заставитъ....

ВИХОРЕВЪ.

А какъ онъ этого не послушаетъ, что тогда?

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Я ужъ право не знаю, что мнѣ дѣлать съ этимъ дѣломъ, такая-то напасть на меня!

ВИХОРЕВЪ.

Хотите, я научу васъ что дѣлать?

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Научите.

ВИХОРЕВЪ.

Уѣдемте потихоньку да и обвѣнчаемся.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!... что вы это, ни за что на свѣтѣ!... Ни, ни, ни за какія сокровища...

ВИХОРЕВЪ.

Тятенька васъ любитъ, онъ проститъ. Мы къ нему сей-часъ пріѣдемъ послѣ свадьбы, знаете по русскому обыкновенію ему въ ноги!... Ну, старикъ и того...

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Да и не говорите... Онъ проклянетъ меня!... Каково мнѣ тогда будетъ жить на бѣломъ свѣтѣ. До самой смерти у меня будетъ камень на сердцѣ.

ВИХОРЕВЪ.

Ну, извините, я другаго средства не знаю.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Вы лучше вотъ что сдѣлайте, Викторъ Аркадьичъ: пріѣзжайте къ намъ нынче вечеромъ, да и поговорите съ тятенькой; а я сама его тоже попрошу; хоть и стыдно будетъ, да ужъ переломлю себя.

ВИХОРЕВЪ.

А ну, какъ онъ откажетъ мнѣ?

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Что жь дѣлать?... Знать моя такая судьба несчастная. Вчера тетенька на картахъ гадала, что-то все дурно выходило, я ужь не мало плакала (*подноситъ платокъ къ глазамъ*).

ВИХОРЕВЪ.

Послушайте, коли вы меня такъ любите, такъ вы уговорите Максима Ѳедотыча, онъ васъ послушаетъ. Тогда мы оба будемъ счастливы!

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Вы-то меня любите ли такъ, Викторъ Аркадьевичъ, какъ я васъ люблю?...

ВИХОРЕВЪ.

Какое же можетъ быть сомнѣніе. Если вы не будете моей, я сей-часъ уѣду на Кавказъ и буду нарочно стараться, чтобы меня поскорѣе застрѣлили. Вы знаете, какъ Черкесы хорошо стрѣляютъ.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Что это вы, Викторъ Аркадьичъ, какія страсти говорите. Нѣтъ, не ѣздите. Пріѣзжайте ужо къ намъ.

ВИХОРЕВЪ.

Непремѣнно пріѣду.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Прощайте, мнѣ пора *(Вихоревъ беретъ ее за руку и хочетъ обнять)*. Нѣтъ, мнѣ стыдно, ей-Богу стыдно.

ВИХОРЕВЪ *(въ сторону)*.

Вотъ нѣжности. *(ей)* Что за стыдъ, когда любите *(цѣлуетъ ее)*.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Вы будете послѣ смѣяться.

ВИХОРЕВЪ.

За кого же вы меня принимаете. Смѣю ли я!

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Нѣтъ, мнѣ право стыдно. *(Обнимаетъ и цѣлуетъ его, сама закрываетъ лице и отходитъ)*. Прощайте, пріѣзжайте ужо.

ВИХОРЕВЪ.

Непремѣнно пріѣду. *(Авдотья Максимовна подходитъ къ Аннѣ Антоновнѣ, и шепнувши ей что-то, уходитъ)*.

АННА АНТОНОВНА *(въ дверяхъ, грозя пальцемъ)*.

Амуръ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

ВИХОРЕВЪ *(одинъ)*.

А она даже очень не дурна, и какъ кажется, такая простенькая дѣвушка. А ужъ какъ влюблена! Ужасъ! Тысячъ сто взять къ ней въ придачу, да и довольно. Конечно, съ такой женой нельзя въ столицу показаться, а въ уѣздѣ ничего, жили бы припѣваючи *(уходитъ)*.

КОНЕЦЪ 1-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ II.

(Небольшая комната въ домѣ Русакова; на обыхъ боковыхъ стѣнахъ по окну и по двери, на задней стѣнѣ дверь; два стола, одинъ съ правой стороны, другой съ лѣвой, почти у самой двери, за столомъ диванъ, на окнахъ цвѣты и на одномъ гитара).

ЯВЛЕНІЕ I.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА, *(сидитъ у окна).* **АРИНА ѲЕДОТОВНА,** *(сидитъ у окна на диванѣ, шьетъ).*

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА *(смотря въ окно, поетъ русскую пѣсню, потомъ обращается къ Аринѣ Ѳедотовнѣ).*

Паучить ли те, Ванюша,
Паучить ли те, Ванюша,
Какъ ко мнѣ ходить (2).
Ты не улицей ходи,
Ты не улицей ходи,
Переулочкомъ. (2)
Ты не голосомъ кричи,
Ты не голосомъ кричи,
Соловьемъ свищи. (2)
Чтобы я млада младенька,
Чтобы я млада младенька
Догадалася. (2)
Со пиру, да со бесѣды,
Со пиру, да со бесѣды
Подымалася. (2)
И я батюшкѣ скажу,
Я родимому скажу:
Голова болитъ. (2)
И я матушкѣ скажу,
Я родимой ли скажу:

Худо можется,
Нездоровится.
Ко милу дружку пойду,
Ко сердечному приду
Здоровешенька,
Веселешенька!

Что это со мной, тетенька, за чудо сдѣлалось! Я надивиться не могу, какъ полюбила я Виктора Аркадьевича!... И надо же было этому дѣлу сдѣлаться!... Бѣда да и только!...

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Никакой тутъ бѣды нѣтъ, всё такъ и быть должно!...

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Какъ же, тетенька, не бѣда? Просто моя погибель, это тятенька давича, какъ пришла я отъ Анны Антоновны, говорилъ, чтобъ я шла за Бородкина! Ни тятеньку мнѣ огорчить не захочется, да съ сердцемъ-то я не совладаю.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Была оказія идти за Бородкина.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Вотъ нынче хотѣлъ Викторъ Аркадьичъ пріѣхать поговорить съ тятенькой. Что-то будетъ?... Хоть бы ужь поскорѣе онъ пріѣхалъ; по крайней мѣрѣ я бы ужь знала; а то какъ тѣнь какая хожу, ногъ подъ собою не слышу. Только чувствуетъ мое сердце, что ничего изъ этого хорошаго не выйдетъ. Ужь я знаю, что много мнѣ бѣдной тутъ слезъ пролить.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Плачь пожалуй, коли тебѣ хочется. А по мнѣ сказала отцу, что не хочу-молъ за Бородкина идти, да и конецъ.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Нѣтъ, тетенька, не могу я этого сдѣлать, не мой это характеръ. Какъ я ему скажу! Ему и въ голову-то не приходитъ, чтобъ я смѣла не послушать его. *(Взглянувъ въ окно).* Ну, идетъ..—И безъ него-то ужь мнѣ тошнехонько, не глядѣлибъ глаза ни на что. *(Встаетъ).*

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Кто идетъ?

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Иванъ Петровичъ!... *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

АРИНА ѲЕДОТОВНА И БОРОДКИНЪ.

БОРОДКИНЪ.

Наше вамъ почтенье-съ. Какъ ваше здоровье-съ?

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Полно ты рядскія-то учтивости разводить, слыхали мы это.

БОРОДКИНЪ.

Какъ не слыхать-съ *(садится).*

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Ты съ чего это вздумалъ за Дунюшку-то свататься?

БОРОДКИНЪ.

Да вамъ-то какое теперича до этого дѣло?

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Непріятно для меня это видѣть. Ну, какая ты ей пара? Какой ты кавалеръ? И съ бородой и необразованный!

БОРОДКИНЪ.

Опять-таки это не ваше дѣло. Нешто я за вами....

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Да смѣлъ ли бы ты это подумать? Я въ Москвѣ воспитывалась, такъ видала людей-то не тебѣ чета.

БОРОДКИНЪ.

А я такъ думаю, что люди всё однѣ-съ.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Вотъ то-то и есть что разница. Есть необразованные, вотъ какъ ты, а то есть люди съ понятіемъ.

БОРОДКИНЪ.

Хоть бы посмотрѣть когда на такихъ-то! что жь вы тамъ за мужъ не шли?

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

А отъ того, что не хочу, чтобъ надо мной мужчина командовалъ. Всѣ они невѣжи, и очень много о себѣ думаютъ. Да и опять это не твое дѣло.

БОРОДКИНЪ.

Нѣтъ-съ, я такъ. Жалко только со стороны смотрѣть, что при вашемъ такомъ образованіи, на васъ никто не прельщается.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Невѣжа, смѣешь ли ты такъ съ дамой разговаривать?

БОРОДКИНЪ.

Да что съ вами разговаривать! Разговаривать-то съ вами нечего, потому, что вы не дѣло толкуете.... всё равно что воду толочь. *(Беретъ гитару и настроиваетъ).* Я буду разговаривать съ Максимомъ Ѳедотычемъ.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Разговаривай пожалуй, да ничего толку не будетъ, потому, что лѣзешь ты, мой другъ, съ дуру, куда не слѣдуетъ. *(Оставляетъ шитье, беретъ карты и раскладываетъ).*

БОРОДКИНЪ.

Хоша бы и такъ, все это наше дѣло.... Васъ не спросимъ. *(Беретъ нѣсколько аккордовъ и поетъ въ полголоса русскіе мотивы).*

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Ну что ты поешь?... Есть ли тутъ складъ какой-нибудь! Какъ есть деревня!

БОРОДКИНЪ.

Спойте вы, коли лучше знаете. *(Подаетъ ей гитару).*

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Да ужъ конечно не стану вашихъ мужицкихъ пѣсенъ пѣть. *(Поетъ съ чувствомъ романсъ).*

БОРОДКИНЪ.

Это что жь такое-съ?

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Что? Извѣстно что, — романъ. *(Задумывается).* У насъ, Ваня, какъ жила я въ Москвѣ, былъ прикащикъ Вася, это онъ меня выучилъ. Только какъ онъ пѣлъ, это прелести слушать. *(Опять раскладываетъ карты, потомъ быстро смѣшиваетъ ихъ и задумывается).*

БОРОДКИНЪ.

Скоро придетъ Максимъ Ѳедотычъ?

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Ахъ, отстань ты отъ меня; почемъ я знаю.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

БОРОДКИНЪ (*быстро вскакиваетъ*).

Наше вамъ почтенье, Авдотья Максимовна.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Здравствуйте, Иванъ Петровичъ. Здорова ли ваша маменька?

БОРОДКИНЪ.

Слава Богу, покорно васъ благодарю. Ваше какъ здоровье-съ?

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Понемножку. Вы тятеньку дожидаетесь?

БОРОДКИНЪ.

Тятеньку-съ.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Онъ скоро придетъ,—подождите.

БОРОДКИНЪ.

Подождемъ-съ *(садится на стулъ).*

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

А я, тётенька, къ вамъ погадать пришла. Загадайте мнѣ на трефоваго короля.

БОРОДКИНЪ.

Кто же это трефовый король-съ?

АРИНА ѲЕДОТОВНА (*раскладывая карты*).

Ужь конечно не ты. Ты думаешь, что только у насъ и свѣту, что ты.... (*послѣ молчанія*). Вотъ, Дуня, смотри!... Онъ тебя любитъ. Вотъ видишь (*показываетъ на карты и шепчетъ Авдотьѣ Максимовнѣ*).

БОРОДКИНЪ.

Загадайте мнѣ-съ.

АРИНА ѲЕДОТОВНА (*гадаетъ*).

Ну, братъ, не дожидайся. Ничего. Слезы тебѣ выходятъ....

БОРОДКИНЪ.

Что жъ такое-съ; плакать-то намъ не въ первой-съ; радости-то мало видались-съ!

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Вы давича говорили что-нибудь съ тятенькой?

БОРОДКИНЪ.

На счетъ чего-съ?

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Вы говорили, такъ сами знаете на счетъ чего.

БОРОДКИНЪ.

У насъ вообще былъ разговоръ въ троемъ-съ—и Селиверстъ Потапычъ тутъ былъ-съ.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Ты полно спротой-то притворяться; мы ужь слышали.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Какъ же это вамъ, Иванъ Петровичъ, не совѣстно, не сказавши мнѣ ни слова, да прямо тятенькѣ....

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Захотѣла ты отъ мужика совѣсти.

БОРОДКИНЪ.

Да вы что жь такое въ самомъ дѣлѣ!... Всё мужикъ да мужикъ!...

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Онъ братцу Лазаря поётъ, да шутки разныя подводитъ, а тотъ ему и вѣритъ.

БОРОДКИНЪ.

Полноте обижать-то, Арина Ѳедотовна, мы на эдакія дѣла не пойдемъ-съ. Эхъ, Авдотья Максимовна, вспомните-съ! Было времячко-съ! да должно быть прошло-съ. Должно быть лучше насъ нашли-съ.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Да ужь разумѣется лучше васъ. Ишь ты, какой красавецъ, думаешь, что ужь лучше тебя и на свѣтѣ нѣтъ.

БОРОДКИНЪ.

Были и мы хороши-съ.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Пойтить велѣть самоварчикъ поставить, братецъ придетъ, чтобъ готово было *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА И БОРОДКИНЪ.

БОРОДКИНЪ.

Эхъ, Авдотья Максимовна, грѣхъ вамъ! Вспомните: бывало осенніе темные вечера вдвоемъ просиживали; вотъ у этого окошечка. Бывало, въ сѣняхъ встрѣтимся въ сумерочкахъ, такъ не наговоримся; долго нейду, такъ накинувши шубку-то на плечики, у калитки дожидались. Былъ я и Ваничка и дружокъ, а теперь не хорошъ сталъ.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА (*оглядывается кругомъ, тихо*).

Да ты, Ваня, не сердись! я тебѣ всё разскажу, ты самъ разсудишь. За меня теперь сватается благородный. Какой красавецъ собой-то, какой умный. Любила я тебя, ты знаешь, а ужъ какъ его полюбила, я и не знаю какъ это словами сказать. Увидала я его у Анны Антоновны на прошлой недѣлѣ.... Сидимъ это мы съ нсй, пьемъ чай, вдругъ онъ входитъ, какъ увидѣла я этакого красавца; такъ у меня сердце и упало; ну, думаю, быть бѣдѣ. А онъ, какъ нарочно, такой ласковой, такія рѣчи говоритъ.

БОРОДКИНЪ.

Знаемъ мы эти рѣчи-то. Онѣ хороши, пока вы ихъ слушаете. Бывало сидишь въ лавкѣ, вечера-то ждешь не дождешься, вся душа изомретъ, и то и другое передумаешь, что тебѣ сказать-то, а какъ придешь, и слова не выговоришь. А скажется слово, такъ отъ сердца, что душа чувствуетъ; а у нихъ рѣчи ученыя, говорятъ одно, а думаютъ другое. Видимое дѣло, что ему твои деньги нужны; нечтобъ онъ не нашелъ невѣсту помимо тебя.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Нѣтъ, Ваня, не говори этого, онъ меня любитъ.

БОРОДКИНЪ.

А нешто я тебя, Дуня, не люблю?

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Что жъ мнѣ дѣлать-то! На грѣхъ я его увидѣла! Такъ вотъ съ тѣхъ поръ изъ ума нейдетъ, и во снѣ всё его вижу. Словно я къ нему привороженная какая. (*Сидитъ задумавшись*). И нѣтъ мнѣ никакой радости!... Прежде я веселилась дѣвка, какъ птичка порхала, а теперь сижу вотъ, какъ къ смерти приговоренная, не веселитъ меня ничто, не глядѣла бъ я ни на кого. Ужъ и что я бѣдная въ эти дни слезъ пролила!... Вѣдь надожь быть такой бѣдѣ!...

БОРОДКИНЪ.

Ты можетъ думаешь, что мнѣ легче тебя!... Тебѣ горе, а мнѣ вдвое.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Женись, Ваня, на Грушѣ, она мнѣ ровестница и подруга, а ужъ со мной пусть будетъ, что̀ Богъ велитъ.

БОРОДКИНЪ.

Что́ мнѣ жениться-то!... на что?... Чужой вѣкъ заѣдать; я ужъ любить ее не буду.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Вотъ я тебѣ, Ваня, всё сказала, что̀ только сердце мое чувствовало.... Не захотѣла я тебя обмануть.

БОРОДКИНЪ.

Эхъ! загубила ты мою молодость!.... *(плачетъ отворотившись къ окну, потомъ беретъ гитару и поетъ)*.

«Вспомни, вспомни, моя любезная,
Нашу прежнюю любовь,
Какъ мы съ тобой, моя любезная,
Погуливали.
Осенніе, темныя ночи
Просиживали.
Забавныя, тайныя рѣчи
Говаривали —
Тебѣ, мой другъ, мой другъ,
Не жениться,
А мнѣ молодой за мужъ
Нейдти. »

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Не пой ты, не терзай мою душу. *(Бородкинъ перестаетъ играть, она подходитъ къ нему)*.

БОРОДКИНЪ *(ударяетъ себя въ грудь, обнимаетъ ее и крѣпко цѣлуетъ)*.

Помни, Дуня, какъ любилъ тебя Ваня Бородкинъ. *(Она садится на диванъ, а онъ ходитъ по комнатѣ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и **РУСАКОВЪ, СЪ АРИНОЙ ѲЕДОТОВНОЙ.**

РУСАКОВЪ (*раздѣвается, ему помогаютъ дочь и сестра*).

Старость-то что значитъ! Усталъ! Вотъ далеко ли сходилъ, усталъ.... Право такъ. Что, Иванушко, не веселъ?...

БОРОДКИНЪ.

Маленько сгрустнулось что-то.

РУСАКОВЪ.

Объ чёмъ тебѣ грустить-то, паренёкъ, паренёкъ!... Что Бога-то гнѣвить! Дунюшка! поди-ко сюда (*гладитъ по головѣ и цѣлуетъ*). Вотъ какова у меня дочка-то! Невѣста! За мужъ пора отдавать. А и жаль; радость-то, Иванушко, у меня только одна. Что есть, дѣтушки, лучше того на свѣтѣ, какъ жить всѣмъ вмѣстѣ, да въ радости. Нѣтъ больше счастья на землѣ, какъ жить своей семьей въ мирѣ, да въ благочестіи, и самому весело и люди будутъ на тебя радоваться. А врагу рода человѣческаго это досада не малая; онъ тебя будетъ всякимъ соблазномъ соблазнять, всякимъ прельщеніемъ. Поддался ты ему, ну и пошла брань да нелюбовь въ семьѣ, и еще того хуже бываетъ. Не поддался, ну и онъ бѣжитъ далеко, потому ему смерть смотрѣть на честное житье. Какія бываютъ дѣла, Иванушко! Поживешь-то — всего насмотришься. Дѣти ли не почитаютъ родителей, жены ли живутъ съ мужьями не ладно, всё это дѣло вражье. Всякій часъ отъ него берегись! Эхе-хе! Не даромъ пословица говорится: не бойся смерти, а бойся грѣха (*молчаніе*). Одна у меня теперь забота, какъ бы мнѣ Дунюшку пристроить! Полюбовался-бъ на тебя, мое дитятко, внучатъ бы понянчилъ, коли Богъ приведетъ.... Ну, а тамъ ужь что! чего мнѣ ждать, умеръ бы покойно; по крайности бы зналъ, что есть кому душу помянуть, добрымъ словомъ вспомнить. Пойдемъ-ко, Иванушко, мнѣ съ тобой поговорить нужно (*уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА И АРИНА ѲЕДОТОВНА.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Что́ мнѣ дѣлать, тётенька?

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Неужели жь за Бородкина идти! Что́ ты говоришь!... Викторъ Аркадьичъ всё-таки человѣкъ.... а это что? мразь какая-то.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

А знаете, тётенька, я какъ-то боюсь Виктора Аркадьича.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

То-то вотъ, матушка, деревня-то что̀ значитъ! Жила ты всё въ этомъ городишкѣ и людей-то не видывала.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Онъ давича мнѣ говоритъ, что коли тятенька не согласится; такъ онъ меня потихоньку увезетъ. Я, тётенька, такъ испугалась, насилу до дому добѣжала.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Есть чего пугаться; скажите пожалуйста. Ахъ, Дунюшка, какъ это интересно ка-бы ты знала! коли мужчина хочетъ увезти, ужъ значитъ, что любитъ, поймы ты это.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

А тятенька-то?... Что́ я тогда съ нимъ, съ старикомъ, сдѣлаю!

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Что́ тятенько-то! Тятенька твой еще ему долженъ быть благодаренъ. Гдѣ онъ тебѣ такого жениха найдетъ! Чтой-то ты, матушка, совсѣмъ деревенская. Нѣтъ, я съ молоду поудалѣй была.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА *(смотритъ въ окно)*.

Тётенька, голубушка, ѣдетъ. Бѣгите къ тятенькѣ, скажите ему, а я пойду, посижу у себя въ комнатѣ. Вотъ когда смерть-то моя! *(уходитъ)*.

АРИНА ѲЕДОТОВНА (*подходя къ двери*).

Братецъ! братецъ! пожалуйте сюда, къ вамъ гость пріѣхалъ.

МАКСИМЪ ѲЕДОТЫЧЪ (*за сценой*).

Кто тамъ еще!... Сей-часъ!...

ЯВЛЕНІЕ VII.

АРИНА ѲЕДОТОВНА и ВИХОРЕВЪ.

ВИХОРЕВЪ.

Здравствуйте, Арина Ѳедотовна! Максимъ Ѳедотычъ дома?

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Дома-съ, сей-часъ выйдетъ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ВИХОРЕВЪ (*одинъ*).

Ну, борода, поговоримъ теперь съ тобой! Съ которой бы стороны къ нему подъѣхать?... Мудренъ вѣдь этотъ народъ; рѣшительно не знаю; ну да ужь пущусь на счастье, куда кривая не вынесетъ. Нѣтъ ничего хуже, какъ съ мужиками разговаривать. Еще обругаетъ того гляди. Ну да ужь нечего дѣлать; амбицію-то пока въ сторону отложимъ. Вотъ крайность-то до чего доводитъ нашего брата!...

ЯВЛЕНІЕ IX.

ВИХОРЕВЪ, МАКСИМЪ ѲЕДОТЫЧЪ и БОРОДКИНЪ.

МАКСИМЪ ѲЕДОТЫЧЪ.

Прощай, Иванушко, заходи ужо, теперь мнѣ некогда.

БОРОДКИНЪ.

Прощайте, Максимъ Ѳедотычъ, желаю вамъ быть здоровымъ (*уходитъ*).

ВИХОРЕВЪ (*подходитъ къ Максиму Ѳедотычу*).

Здравствуйте, почтеннѣйшій Максимъ Ѳедотычъ, какъ вы поживаете?

МАКСИМЪ ѲЕДОТЫЧЪ.

Слава Богу, живемъ пока Богъ грѣхамъ терпитъ. Проспмъ милости садиться....

ВИХОРЕВЪ.

Сдѣлайте одолженіе не безпокойтесь (*садится*).

РУСАКОВЪ.

Сестрица! велите намъ чайку подать.

ВИХОРЕВЪ.

Не для меня ли вы это, Максимъ Ѳедотычъ, безпокоитесь? Я уже пилъ, увѣряю васъ.

РУСАКОВЪ.

Нельзя же, батюшка, безъ этого.

ВИХОРЕВЪ.

Впрочемъ, сколько я замѣтилъ, ужъ таковъ обычай у русскаго народа подчивать. Я, знаете ли, самъ человѣкъ русской и, признаться сказать, люблю и уважаю всё русское; особенно мнѣ нравится это гостепріимство, радушіе.

РУСАКОВЪ.

Не знаю, батюшка, какъ сказать. Что жь, худаго тутъ нѣтъ ничего.

(*Входитъ дѣвка съ подносомъ чаю*).

РУСАКОВЪ.

Просимъ покорно (*берутъ и пьютъ молча*).

ВИХОРЕВЪ.

Скажите, сдѣлайте одолженіе, Максимъ Ѳедотычъ, бывали вы въ столицахъ?

РУСАКОВЪ.

Какъ, батюшко, не бывать, въ Москву по дѣламъ ѣзжалъ.

ВИХОРЕВЪ.

Не правда ли, тамъ жизнь совсѣмъ другая, больше образованности, больше развлеченія. Я думаю, посмотрѣвши на столичную жизнь, довольно скучно жить въ уѣздномъ городѣ.

РУСАКОВЪ.

Не всѣмъ же жить въ столицахъ, надобно кому-нибудь жить и въ уѣздномъ городѣ.

ВИХОРЕВЪ.

Я съ вами согласенъ, но впрочемъ, Максимъ Ѳедотычъ, вы вѣдь не такой купецъ, какъ прочіе уѣздные купцы; вы составляете нѣкоторымъ образомъ исключеніе! Но что жь я говорю! Вы сами это очень хорошо знаете. Я думаю, вы съ вашимъ капиталомъ были бы и въ Москвѣ однимъ изъ первыхъ.

РУСАКОВЪ.

Какъ знать чужой капиталъ; нѣтъ, мнѣ и здѣсь хорошо.

ВИХОРЕВЪ.

Я понимаю, что вамъ здѣсь хорошо; вы здѣсь родились, привыкли, вамъ весь городъ знакомъ — конечно, привычка много значитъ; но у васъ есть дочь.

РУСАКОВЪ.

Такъ что жь что дочь?

ВИХОРЕВЪ.

Вы, вѣроятно, какъ чадолюбивый отецъ, захотите ей дать нѣкоторое образованіе, показать ей людей... наконецъ найдти хорошую партію. А гдѣ вы это здѣсь найдете?

РУСАКОВЪ.

Да что́ жь, развѣ здѣсь звѣри живутъ, чай тоже люди.

ВИХОРЕВЪ.

Да развѣ здѣсь васъ могутъ оцѣнить, Максимъ Ѳедотычъ, развѣ могутъ! что вы говорите!

РУСАКОВЪ.

Да что насъ цѣнить-то! Намъ этого ненужно. Ну ихъ совсѣмъ и съ оцѣнкой-то. Былъ бы самъ по себѣ хорошъ, а то про меня что̀ хошь говори.

ВИХОРЕВЪ.

Развѣ есть здѣсь женихи для Авдотьи Максимовны? Развѣ есть? Гдѣ это?... Покажите мнѣ ихъ! Кто посмѣетъ за нее

посвататься изъ здѣшнихъ! Въ васъ мало самолюбія,—и это напрасно, Максимъ Ѳедотычъ: въ человѣкѣ съ такими достоинствами и съ такими средствами, оно весьма извинительно... Я вамъ говорю безо всякой лести, я горжусь вашимъ знакомствомъ... Я много ѣздилъ по Россіи, но такаго семейства какъ ваше—я не встрѣчалъ нигдѣ до сихъ поръ.

РУСАКОВЪ.

Благодаримъ покорно.

ВИХОРЕВЪ.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ. Много есть купцовъ, да все въ нихъ нѣтъ того, что я вижу въ васъ, этой патріархальности. Знаете ли что, Максимъ Ѳедотычъ?... Ваша доброта, ваше простодушіе, наконецъ вашъ умъ даютъ мнѣ смѣлость говорить съ вами откровенно... Я надѣюсь, что вы на меня не обидитесь?

РУСАКОВЪ.

Что вамъ, батюшка, угодно?....

ВИХОРЕВЪ.

Охъ, Максимъ Ѳедотычъ, страшно! Но во всякомъ случаѣ, такъ ли, не такъ ли, я надѣюсь, что мы останемся друзьями (*подаетъ ему руку, тотъ кланяется, Вихоревъ подвигается къ нему*). Влюбленъ, Максимъ Ѳедотычъ, влюбленъ; въ Авдотью Максимовну влюбленъ. Я бы свозилъ ее въ Москву, показалъ бы ей общество, у меня есть имѣніе не очень далеко отсюда. Я думаю, что, выйдя за меня, она нисколько себя не уронитъ. А главное, мнѣ хочется породниться съ вами, Максимъ Ѳедотычъ... Ну, и чинъ у меня...

РУСАКОВЪ.

Полноте, Ваше Благородіе, мы люди простые, ѣдимъ пряники не писаные, гдѣ намъ! Вѣдь насъ только за карманъ и уважаютъ.

ВИХОРЕВЪ.

Полноте, Максимъ Ѳедотычъ! что за идея.

РУСАКОВЪ.

Право такъ. А то за что насъ любить-то?

ВИХОРЕВЪ.

За добрую душу.

РУСАКОВЪ.

Такъ ли полно?

ВИХОРЕВЪ.

Я не понимаю, Максимъ Ѳедотычъ, у насъ какой-то странный разговоръ происходитъ.

РУСАКОВЪ.

Не дѣло вы говорите. Вы люди благородные, ищите себѣ барышень... воспитанныхъ, а ужъ нашихъ-то дуръ оставьте намъ, мы своимъ-то найдемъ жениховъ какихъ-нибудь дешевенькихъ.

ВИХОРЕВЪ.

Однако, неужели же вы своей дочери не желаете добра, что не хотите отдать ее за человѣка благороднаго и притомъ такого, который ее любитъ.

РУСАКОВЪ.

Отъ того-то и не отдамъ, что желаю добра. А вы какъ думали, я худа чтоль ей желаю. Ну, какая она барыня, посудите, отецъ: жила здѣсь въ четырехъ стѣнахъ, свѣту не видала. А купцу-то она будетъ жена хорошая, будетъ хозяйничать, да дѣтей няньчить.

ВИХОРЕВЪ.

Но, Максимъ Ѳедотычъ, я ее люблю.

РУСАКОВЪ.

Эхъ! (*махнувъ рукой, отворачивается*).

ВИХОРЕВЪ,

Я васъ увѣряю, что я люблю Авдотью Максимовну до безумія.

РУСАКОВЪ.

Не повѣрю я вамъ.

ВИХОРЕВЪ.

Какъ не повѣрите?

РУСАКОВЪ.

Такъ, не повѣрю, да и все тутъ.

ВИХОРЕВЪ.

Да какъ же вы не повѣрите, когда я вамъ даю честное слово благороднаго человѣка?

РУСАКОВЪ.

Не за что вамъ ее любить! Она дѣвушка простая, не воспитанная и совсѣмъ вамъ не пара. У васъ есть родные, знакомые, всѣ будутъ смѣяться надъ ней, какъ надъ дурой, да и вамъ-то она опротивѣетъ хуже горькой полыни... такъ отдамъ я свою дочь на такую каторгу! да накажи меня Богъ.

ВИХОРЕВЪ.

Я вамъ говорю, что со мной она будетъ счастлива, я за это ручаюсь.

РУСАКОВЪ.

Нечего намъ объ этомъ разговаривать,—это дѣло не сбыточное. Поищите себѣ другую, я свою не отдамъ.

ВИХОРЕВЪ.

Я вамъ только одно могу на это сказать, что вы меня дѣлаете несчастнымъ человѣкомъ (*встаетъ*). Извините, что я васъ обезпокоилъ. У васъ вѣроятно есть кто-нибудь на примѣтѣ, иначе я немогу предположить, чтобы вы, любя свою дочь, и желая ей счастія, отказали мнѣ. И мнѣ кажется, еслибъ вы меня покороче узнали... но таковъ ужь видно русскій человѣкъ,—ему только бы поставить на своемъ, изъ одного упрямства—онъ не подорожитъ счастьемъ дочери и ни чьимъ.

РУСАКОВЪ.

Тьфу ты прахъ побери! Да я-бъ съ тебя ничего не взялъ слушать-то такія рѣчи. Этакой обиды я родясь не слыхивалъ (*отворотясь*). Пріѣдетъ не званый, не прошенный, да еще и ругается надъ тобой (*идетъ*). Провались ты совсѣмъ! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

ВИХОРЕВЪ (*одинъ*).

Вотъ тебѣ разъ! Ну есть ли какая возможность говорить съ этимъ народомъ! Ломитъ свое,—ни малѣйшей деликатности!... Однако это чортъ знаетъ какъ обидно.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ВИХОРЕВЪ, АРИНА ѲЕДОТОВНА и АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА, *выглядываетъ изъ дверей.*

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Викторъ Аркадьичъ, какъ дѣла?

ВИХОРЕВЪ.

Помилуйте, съ этимъ мужикомъ нельзя разговаривать, онъ чуть меня не прогналъ.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА (*выходя*).

Скажите мнѣ, Викторъ Аркадьичъ, правду, какъ передъ Богомъ, любите вы меня?

ВИХОРЕВЪ.

Я васъ люблю, Авдотья Максимовна, но насъ хотятъ разлучить.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Я сей-часъ сама пойду къ тятенькѣ. Поѣзжайте вы домой и не безпокойтесь. Онъ меня любитъ, онъ мнѣ не откажетъ. Только каково мнѣ просить его объ этомъ, какъ бы вы знали (*садится и плачетъ*).

ВИХОРЕВЪ (*раскланивался*)

Какъ же вы мнѣ дадите знать?

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Мы пойдемъ нынче въ церковь.

ВИХОРЕВЪ.

Такъ я васъ подожду подлѣ вала на мосту.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Хорошо.

ВИХОРЕВЪ.

Прощайте.

(*Раскланивается и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и потомъ РУСАКОВЪ.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Ну, Дунюшка, теперь отъ тебя самой зависитъ твое счастіе.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Ну, ужь, тётенька, что будетъ, то будетъ. Вотъ ужъ правду говорятъ, что любовь-то на свѣтѣ мука.

РУСАКОВЪ (*входя*).

Что уѣхалъ этотъ баринъ-то?

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Уѣхалъ, братецъ.

РУСАКОВЪ.

Ишь его принесло, нужно очень.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Я не знаю, братецъ, отчего онъ вамъ не понравился.

РУСАКОВЪ.

Отъ того, что дуракъ.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Да чѣмъ же онъ, братецъ, дуракъ; онъ образованный человѣкъ.

РУСАКОВЪ.

А тѣмъ, что не умѣетъ говорить съ людьми постарше себя.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Какъ, братецъ, кажется, ему не умѣть: онъ человѣкъ столичный, жилъ въ Москвѣ всё промежду благородными.

РУСАКОВЪ.

Ну, и пусть туда ѣдетъ.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Ахъ, братецъ! Онъ такой образованный, такой политичный кавалеръ, что и въ Москвѣ-то на рѣдкость, а ужь здѣсь-то намъ и никогда не найдти.

РУСАКОВЪ.

Поди ты съ своимъ образованіемъ. Много ты знаешь.—Прожила пять лѣтъ въ Таганкѣ, да и думаешь куда какъ образована;—что ты тамъ видѣла; кромѣ сидѣльцевъ, да приказныхъ—ты и людей-то не видала.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Всё-таки, братецъ...

РУСАКОВЪ.

Всё-таки, сестрица, не тебѣ меня учить... вотъ что!... Ты что́ тамъ надувшись сидишь! Дуня! Никакъ ты плачешь?... О чемъ ты плачешь?

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Я такъ, тятенька.

РУСАКОВЪ.

Говори объ чемъ?

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Объ себѣ. Объ своемъ горѣ.

РУСАКОВЪ.

Что́ за горе тамъ у тебя? Откуда оно взялось?

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Тятенька! Вы не будете сердиться?

РУСАКОВЪ.

Говори! Не сержусь!...

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Тятенька! Я его люблю!

РУСАКОВЪ.

Кого его? Вѣтрогона-то этого. Опомнись, полоумная!

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Я безъ него жить не могу. Умереть мнѣ легче, чѣмъ идти за другаго.

РУСАКОВЪ.

Что́ ты!... что́ ты!... Да ты подумай, что̀ ты говоришь-то.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Я ужь думала, и дни думала, и ночи напролетъ думала, не смыкаючи глазъ. Безъ него мнѣ не милъ бѣлый свѣтъ. Я отъ тоски да отъ слезъ въ гробъ сойду.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Братецъ, пожалѣйте, у васъ вѣдь одна дочь-то.

РУСАКОВЪ.

Ты, сестра, молчи — это не твое дѣло. Дуня, не дури! Не печаль отца на старости лѣтъ. Выкинь блажь-то изъ головы. Отецъ лучше тебя знаетъ, что̀ дѣлаетъ. Ты думаешь, ему ты нужна? ему деньги нужны, дура. Онъ тебя только обманываетъ, онъ; онъ вымантъ деньги-то, а тебя прогонитъ черезъ недѣлю. У меня есть для тебя женихъ; Иванъ Петровичъ; ужь я ему обѣщалъ.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Лёгко ли!... Ужь вотъ партія. Промѣнять такого кавалера на Бородкина.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА (*заливаясь слезами*).

Не видалабъ ужъ я его лучше, чѣмъ такъ мучиться.

РУСАКОВЪ.

Да что́ жь вы въ самомъ дѣлѣ, съ ума что ли сошли! Да какъ вы смѣете со мной такъ разговаривать. Ты еще, дура, тутъ своими разговорами дѣвку съ толку сбиваешь — изъ ума выводишь. Отъ тебя-то вся и бѣда. Что́ у тебя вмѣсто головы-то надѣто. Кабы не твоя болтовня, смѣла бъ она такъ съ отцомъ разговаривать?

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Вотъ, братецъ, вы всегда...

РУСАКОВЪ.

Молчи, пустоголовая!... Вотъ тебѣ, Авдотья, мое послѣднее слово: или ты поди у меня за Бородкина, или я тебя и знать не хочу.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА (*подымаясь со стула*).

Тятенька...

РУСАКОВЪ.

Не подходи! Я тебя ростилъ, я тебя берегъ пуще глазу. Что̀ грѣха на душу принялъ... вѣдь гордость меня одолѣла съ тобой, я не давалъ никому про своихъ дѣтей слова выговорить, я думалъ, что ужь лучше тебя и на свѣтѣ нѣтъ. Наказалъ Богъ по грѣхамъ! Говорю тебѣ, Авдотья—иди за Бородкина. Не пой-

дешь, не будетъ тебѣ моего благословенія. А чтобъ я и не слыхалъ про этого проходимца. Я его и знать не хочу. Слышишь ты, не доводи меня до грѣха (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА и АРИНА ѲЕДОТОВНА.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА (*почти безъ памяти*).

Тётенька! мнѣ давича было жаль Ваню, теперь онъ мнѣ опостылѣлъ... опостылѣлъ... ахъ!... (*падаетъ въ обморокъ*).

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Ахъ, батюшки!... Ахъ батюшки!... Поди, погляди, уморилъ дочь-то, уморилъ!... Варваръ этакой!... Тиранъ!... Воды подайте! Воды!...

ЯВЛЕНІЕ XIV.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА и РУСАКОВЪ.

РУСАКОВЪ (*вбѣгая*).

Гдѣ? Что? Господи! (*всплеснувъ руками*). Побѣлѣла, какъ снѣгъ, хоть въ гробъ клади!... Дунюшка! (*беретъ за руку*). Дунюшка! (*смотритъ на нее*). Вотъ и мать такая же лежала въ грубу—вотъ двѣ капли воды (*утираетъ слезы*). Господи! не попусти! Дуня! (*съ ужасомъ*). Очнется ли она, очнется-ль!... Нѣтъ!... Ужлижь я её убилъ?... (*стоитъ подлѣ въ оцѣпенѣніи; дѣвка приноситъ воду и уходитъ*).

АРИНА ѲЕДОТОВНА (*съ водою. Брызгаетъ на Дуню*).

Дунюшка! Дунюшка! говорила я вамъ, братецъ, такъ не послушали.

РУСАКОВЪ.

Ну, что́ она?... Что́, Дунюшка?...

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Тихонько, тихонько, очнулась кажется.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА (*открывая глаза*).

Гдѣ тятенька?

РУСАКОВЪ.

Здѣсь, дитятко, здѣсь (*садится подлѣ нея на диванъ*).

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА (*прилегая къ нему на грудь*).

Тятенька!...

РУСАКОВЪ.

Что́, Душюшка, что́?

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Я люблю его.

РУСАКОВЪ.

Ахъ, Душюшка, кабы я зналъ, что онъ степенный человѣкъ, да что онъ тебя любитъ, я-бъ тебя сейчасъ за него отдалъ, и разговаривать бы не сталъ.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Онъ меня любитъ.

РУСАКОВЪ.

Охъ, Душюшка, не вѣрится мнѣ... Ну, да вотъ мы это узнаемъ.—Дѣло-то простое. Я ему скажу, что за тобой ничего не дамъ; коли любитъ, пускай такъ беретъ. — Коли любитъ, возьметъ и такъ.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Неужели онъ меня изъ-за денегъ любитъ?...

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Ахъ, братецъ, развѣ это можно вообразить, чтобы въ такомъ мужчинѣ не было никакихъ чувствъ; онъ совсѣмъ не такой интересанъ, какъ вы думаете.

РУСАКОВЪ.

А вотъ, посмотримъ, что́ онъ скажетъ.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Ну, ужь, братецъ, я васъ увѣряю, что онъ человѣкъ самый благородный.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Тятенька! да развѣ въ богатствѣ счастье?... Коли любишь человѣка, такъ никакихъ сокровищъ ненадо.

РУСАКОВЪ.

Это ты, мое дитятко, такъ разсуждаешь, а у нихъ-то другое на умѣ; ну да вотъ посмотримъ.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА (*цѣлуетъ отца*).

Тятенька, голубчикъ, вы меня воскресили, а то ужь я, право, думала, что умираю; да я-бъ и умерла съ горя, я ужь это знаю. Тётенька, вѣдь мы хотѣли идти въ церковь...

РУСАКОВЪ.

Поди, Дунюшка, помолись; а мнѣ нужно по дѣлу сходить. Прощай! (*цѣлуетъ ее и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же безъ **РУСАКОВА.**

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Ахъ, тётенька, я все еще не могу оправиться.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Ну, ужь теперь не о чемъ тужить.—На нашей улицѣ праздникъ. Пойдемъ-ка скорѣй. — Одѣвайся. — То-то онъ, бѣдный, обрадуется, какъ услышитъ.

(*уходятъ*).

КОНЕЦЪ 2-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ III.

СЦЕНА I.

Небольшая комната на постояломъ дворѣ. Темно.

(Входятъ: **ВИХОРЕВЪ**, **АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА** *и* **СТЕПАНЪ** *со свѣчей.* **АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА** *садится къ столу.* **ВИХОРЕВЪ** *ходитъ по комнатѣ.* **СТЕПАНЪ** *ставитъ свѣчу на столъ).*

ВИХОРЕВЪ.

Что́ это за народъ! Вѣдь я тебѣ, дураку, приказывалъ, чтобы лошади были готовы.

СТЕПАНЪ.

Развѣ съ ними сговоришь? Извѣстное дѣло—мужики. Говорятъ: сейчасъ будетъ готово.

ВИХОРЕВЪ.

Ступай, да скажи, чтобъ они у меня живѣй поворачивались, я этого не люблю.

(Степанъ уходитъ).

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Куда вы меня завезли?

ВИХОРЕВЪ.

Мы теперь въ Ямской слободѣ.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

За чѣмъ же вы завезли меня сюда?

ВИХОРЕВЪ.

За тѣмъ, что люблю тебя. Сей-часъ заложатъ лошадей, мы поѣдемъ къ Баранчевскому въ деревню, это всего семь верстъ отъ города, тамъ и обвѣнчаемся, а завтра въ городъ *(садится подлѣ нея).*

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Конечно, Викторъ Аркадьичъ, я люблю васъ — и готова для васъ сдѣлать все на свѣтѣ, да за чѣмъ же вы меня увезли на-

сильно, тятенька теперь меня хватится... и бѣда моя просто... Что́ онъ подумаетъ?... Съ какими глазами къ нему покажусь?...

ВИХОРЕВЪ.

Послушай, мой другъ! Ты сама мнѣ говорила, что Максимъ Ѳедотычъ согласенъ, такъ за что же онъ будетъ сердиться? Я тебѣ скажу откровенно, я тебя увезъ потому, что у меня тутъ былъ свой расчетъ.—Я знаю, что старики упрямы: нынче онъ согласенъ, а завтра, пожалуй, заупрямится, какъ лошадь. Ну, что́ жъ хорошаго?... А ужъ какъ дѣло-то сдѣлано, такъ назадъ не воротишь.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Викторъ Аркадьичъ! я съ вами и въ огонь и въ воду готова, только пустите меня къ тятенькѣ; я еще теперь приду во́-время. А вы завтра пріѣзжайте къ намъ.

ВИХОРЕВЪ.

Ни за что, душа моя. Нѣтъ, ужъ я такъ глупъ не буду; ужъ я теперь съ тобой не разстанусь, благо мнѣ случай помогъ (*Авдотья Максимовна плачетъ*). Полно плакать-то, перестань! Такъ-то ты меня любишь?...

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Я васъ люблю, видитъ Богъ, люблю... (*привстаетъ, обнимаетъ и цѣлуетъ его*). Голубчикъ, Викторъ Аркадьичъ! что́ хотите со мной дѣлайте, только пустите къ тятенькѣ.

ВИХОРЕВЪ.

Полно, перестань! это дѣло невозможное, объ этомъ и говорить нечего (*встаетъ и ходитъ по комнатѣ. Авдотья Максимовна плачетъ*). Что́ жъ это лошадей не даютъ, это ужасно!... Ну, объ чемъ ты плачешь, скажи?... (*напѣваетъ*):

« Ахъ, объ чемъ ты проливаешь
Слезы горькія тайкомъ,
И украдкой утираешь
Ихъ кисейнымъ рукавомъ?... »

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Вамъ, я вижу, Викторъ Аркадьичъ, ничего меня не жалко.

ВИХОРЕВЪ.

Жалѣть-то нечего: все это вздоръ и пустяки.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

А тятенька-то?...

ВИХОРЕВЪ.

Что́ жь тятенька! Посердится, да и перестанетъ, велика важность!... Ты мнѣ лучше разскажи, какъ ты его уговорила, вотъ это интересно знать. Давича онъ на меня зарычалъ, какъ мѣдвѣдь!

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

И сама не знаю, какъ у меня духу достало. — Говорю ему прямо, что люблю васъ, и не помню себя и не знаю, какъ выговорила. Потомъ ужь и не слышу, что̀ онъ говоритъ; твержу только одно, что умру, что безъ васъ жить не могу.

ВИХОРЕВЪ.

Вотъ любовь! вотъ любовь! Да я тебя разцѣлую за это (*цѣлуетъ ее*).

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА (*тихо*).

Любишь меня?...

ВИХОРЕВЪ.

Люблю, люблю!

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Непаглядный ты мой! Радость, жизнь моя! Куда хочешь съ тобой! Никого я теперь не боюсь и никого мнѣ не жалко. Такъ бы вотъ улетѣла съ тобой куда-нибудь (*обнявши его, смотритъ ему въ глаза*). Какой ты хорошенькій! я такихъ и не видывала, точно нарисованный! (*говоритъ съ разстановкой*). Знаешь что! Давай жить здѣсь всѣ вмѣстѣ съ тятенькой! Точно бы жила я, какъ въ раю. А то уѣдешь далеко... тятеньки нѣтъ... скучно будетъ безъ него...

ВИХОРЕВЪ.

Ну, объ этомъ послѣ поговоримъ.—Ты мнѣ разскажи, какъ ты тятеньку-то уговорила?

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Ну, вотъ, слушай: началъ онъ меня бранить, такъ бранитъ, такъ бранитъ... Я въ слезы... Иди, говоритъ, за Бородкина, вотъ тебѣ женихъ, а объ этомъ и думать не смѣй; а то, говоритъ, я тебя и знать не хочу. — У меня такъ къ сердцу подкатило, стало въ глазахъ темнѣть, темнѣть... Тутъ ужь я и не помню ничего, какъ стояла, такъ и упала.

ВИХОРЕВЪ.

Вотъ народъ-то! Однако, что́ же это лошадей!... Степанъ! (*входитъ Степанъ*). Что́ жь лошади? Оселъ!

СТЕПАНЪ.

Сейчасъ будутъ готовы-съ: взвазживаютъ (*уходитъ*).

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Какъ я очнулась,—не помню; только вижу, тятенька сидитъ подлѣ меня, плачетъ... Ну, говоритъ, Богъ съ тобой!

ВИХОРЕВЪ.

Ну, а согласился, такъ и конецъ, только и надобно было для нашего благополучія.—Погоди, заживемъ мы съ тобой.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Онъ мнѣ еще одно словечко сказалъ, да это такъ, пустяки, не стóитъ и вниманія.

ВИХОРЕВЪ.

Что́ же это за словечко?

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

А вотъ что! Говоритъ: онъ тебя, Дуня, не любитъ, онъ тебя обманываетъ, ему только деньги нужны, а не ты. — Коли хочетъ, такъ пусть беретъ безо всего.—А я думаю: на что деньги?... Богъ съ ними и съ деньгами, не въ деньгахъ счастье. —Ну, конечно, приданое, тамъ, что́ мнѣ нужно,—онъ дастъ... А деньги... на что онѣ?... Не съ деньгами жить, а съ добрыми людьми.

ВИХОРЕВЪ.

Да это онъ вретъ, онъ и денегъ дастъ.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Ну, нѣтъ, не знаю; онъ у насъ что̀ сказалъ, то и свято. — Опять же онъ на меня теперь въ сердцахъ, что я его не послушала.—Онъ ни за что не дастъ.

ВИХОРЕВЪ.

Гмъ! дѣло-то скверно!... *(беретъ себя за голову)*. А—ахъ!...

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Я, Викторъ Аркадьичъ, такъ разсудила: что лучше жить въ бѣдности, да съ милымъ человѣкомъ, чѣмъ въ богатствѣ, да съ постылымъ.

ВИХОРЕВЪ.

Съ милымъ! А какъ съ милымъ-то жить нечѣмъ будетъ?

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Да вѣдь у васъ есть деревня своя.

ВИХОРЕВЪ.

Деревня? Какая деревня!... Все это вздоръ!... Ты вотъ что̀ скажи, только говори откровенно: дастъ онъ денегъ или нѣтъ?

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Не дастъ!...

ВИХОРЕВЪ.

Такъ что́ жь ты со мной дѣлаешь?

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Да развѣ я виновата, Викторъ Аркадьичъ?

ВИХОРЕВЪ *(ходя по комнатѣ)*.

Вамъ только влюбляться, да какъ бы замужъ выдти за благороднаго, чтобы барыней быть!

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Что́ вы говорите, Викторъ Аркадьичъ?

ВИХОРЕВЪ.

Кому нужно даромъ-то васъ брать! Можно было, я думаю, догадаться,—не маленькая! Любовь, да нѣжности все на умѣ!... Вѣдь глупость-то какая! Всѣ вы думаете, что васъ за красоту берутъ, такъ съ ума и сходятъ!

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА *(закрывая лицо руками).*

Бѣдная я, горемычная! Для чего это я только на свѣтъ рождена!...

ВИХОРЕВЪ.

Видимое дѣло, что человѣку деньги нужны, коли онъ на купчихѣ хочетъ жениться!—Влюбиться-то бы я и въ Москвѣ нашелъ въ двадцать разъ лучше; а то всякая дура думаетъ, что въ нее влюблены безъ памяти.

СТЕПАНЪ *(входитъ).*

Лошади готовы-съ.

ВИХОРЕВЪ.

Пошелъ вонъ, дуракъ! *(Степанъ уходитъ).*

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Что вы со мной сдѣлали?... Куда я теперь дѣнусь?... Какъ я домой покажусь?

ВИХОРЕВЪ.

А мнѣ-то какое дѣло?... Зачѣмъ ѣхала?...

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Вѣдь вы меня насильно посадили.

ВИХОРЕВЪ.

Выпроси у отца 100 тысячъ, такъ я, пожалуй, женюсь на тебѣ.—Будешь барыня!

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА *(вставая и покрываясь платкомъ).*

Да отсохни у меня языкъ, если я у него попрошу хоть копѣйку *(подходитъ къ нему)*. Не будетъ вамъ счастья, Викторъ Аркадьичъ, за то, что вы поругались надъ бѣдной дѣвушкой... Вы у меня всю жизнь отняли. — Мнѣ теперь легче живой въ гробъ лечь, чѣмъ домой явиться, родной отецъ отъ меня отступится; осрамила я его на старости лѣтъ; весь городъ будетъ на меня пальцами показывать.

ВИХОРЕВЪ.

Ужъ это мы слыхали не одинъ разъ.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Богъ васъ накажетъ за это, а я вамъ зла не желаю. Найдите себѣ жену богатую, да такую, чтобъ любила васъ такъ, какъ я; живите съ ней въ радости; а я, — дѣвушка простая, доживу какъ-нибудь, скоротаю свой вѣкъ въ четырехъ стѣнахъ сидя, проклинаючи свою жизнь. Прощайте! (*въ слезахъ*). Прощайте... Я къ тятенькѣ пойду!... (*быстро уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

ВИХОРЕВЪ, *потомъ* **СТЕПАНЪ.**

ВИХОРЕВЪ (*одинъ*).

Опять несчастіе! Ахъ, чортъ возьми! Куда я теперь дѣнусь?... Домотался! Хоть въ маркеры ступай! Поѣду еще куда-нибудь... Говорятъ, въ Короваевѣ есть богатые купцы, и недалеко: всего верстъ пятьдесятъ. Степка!

СТЕПАНЪ (*входитъ*).

Чего изволите-съ?...

ВИХОРЕВЪ.

Вели этихъ лошадей откладывать; а мнѣ найми другихъ въ Короваевъ; да поѣзжай въ гостинницу, укладывайся, я сейчасъ тамъ буду (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

СТЕПАНЪ (*одинъ*).

Должно быть, опять не выгорѣло! Эхъ, жизнь, жизнь! Теперь злой сдѣлается, акп левъ. (*уходитъ*).

СЦЕНА II.

Комната 2-го акта.

ЯВЛЕНІЕ IV.

АРИНА ѲЕДОТОВНА *и* **АННА АНТОНОВНА** *выходятъ изъ боковой двери и подходятъ къ задней.*

АННА АНТОНОВНА.

Скажите пожалуста! Ахъ-ахъ-ахъ!... (*качаетъ головой*).

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Увезъ, увезъ, матушка; такой молодецъ,—подхватилъ въ коляску проворнымъ манеромъ, только я ихъ и видѣла.

АННА АНТОНОВНА.

Ужь это по глазамъ было видно, что онъ парень ловкій.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Какой еще ловкій-то!... Однако, я боюсь, братецъ спроситъ, гдѣ Дунечка, что́ я скажу? Скажу, что у тебя, запоздала, молъ, и ночевать осталась. Ну, а завтра сами пріѣдутъ, тамъ какъ хотятъ.

АННА АНТОНОВНА.

Обѣщалъ мнѣ матеріи на платье подарить.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Что́ ты?

АННА АНТОНОВНА.

Право.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Видишь ты, какъ благородный человѣкъ *(цѣлуются. Анна Антоновна уходитъ. Арина Ѳедотовна садится къ столу)*. Посмотримъ, что̀ карты скажутъ?

ЯВЛЕНІЕ V.

АРИНА ѲЕДОТОВНА, РУСАКОВЪ *и* **БОРОДКИНЪ** (*входятъ*).

РУСАКОВЪ.

Сестрица, а сестрица!

АРИНА ѲЕДОТОВНА (*смѣшивая карты*).

Чего́ изволите, братецъ?

РУСАКОВЪ.

Да пора-бъ ужинать: вѣдь ужь время-то поздно.

АРИНА ѲЕДОТОВНА (*уходитъ*).

РУСАКОВЪ.

А ты, Иванушко, поужинай съ нами. Мать-то знаетъ, что ты ко мнѣ пошелъ?

БОРОДКИНЪ.

Знаетъ.

РУСАКОВЪ.

Ну, такъ что жъ, ну, и ничего; безпокоиться не будетъ. А ты съ нами посиди (*входитъ дѣвка и накрываетъ столъ*). Скажи ты мнѣ, Иванушко, отъ чего это тебя Дуня не любитъ?

БОРОДКИНЪ.

Я, Максимъ Ѳедотычъ, не знаю-съ.—Я, кажется, готовъ всю душу положить за Авдотью Макеимовну! и всячески стараюсь, какъ угодить. Если не любятъ, все-таки не я тому причиной. Можетъ, есть лучше насъ; а между прочимъ, не знаю-съ.

РУСАКОВЪ.

Ничего, Иванушко, не тужи. Дѣвичье сердце перемѣнчивое: нынче не любитъ, а завтра полюбитъ.

БОРОДКИНЪ.

Хорошо, кабы такъ-съ.

АРИНА ѲЕДОТОВНА (*входитъ*).

Готово, братецъ.

РУСАКОВЪ.

А Дунюшка гдѣ?

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Не знаю, братецъ, еще не бывала.

РУСАКОВЪ.

Какъ же не знаешь, вѣдь ты съ ней вмѣстѣ ходила?

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Да она хотѣла къ Аннѣ Антоновнѣ зайдти; должно быть, тамъ засидѣлась.

РУСАКОВЪ.

Что́ жъ ты ее одну бросила, пошли за ней дѣвку поскорѣй, —это недалеко.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Да она, можетъ быть, братецъ, тамъ ночевать останется.

РУСАКОВЪ.

Это зачѣмъ еще?... Пошли, я хочу ее видѣть.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Сейчасъ, братецъ (*уходитъ*).

РУСАКОВЪ.

Подождемъ Дунюшку, посидимъ, покалякаемъ о чемъ-нибудь (*молчаніе*). Что̀ это, Иванушко, какъ я погляжу, народъ-то все хуже и хуже дѣлается, и что̀ это будетъ, ужь и не знаю. Возьмемъ хоть изъ нашего брата, ну, старики-то еще и туда-сюда, а молодые-то!... на что это похоже?... Ни стыда, ни совѣсти, вѣдь повѣрить ничего нельзя, а ужь уваженія и не спрашивай. Нѣтъ, мы, бывало, страхъ имѣли, старшихъ уважали. Опять эту моду выдумали, прежде ее не было, такъ лучше было, право! Проще жили, ну, и народъ честнѣй былъ. А то я, говоритъ, хочу по модѣ жить, по нынѣшнему, а глядишь, тому не платитъ, другому не платитъ.

БОРОДКИНЪ.

Все это, Максимъ Ѳедотычъ, отъ необузданности, а то и отъ глупости.

РУСАКОВЪ.

Именно отъ необузданности. Бить некому! А то-то бы учить-то надо... Охо-хо,—палка-то по нихъ плачетъ.

БОРОДКИНЪ.

Вѣдь все себѣ на гибель, Максимъ Ѳедотычъ.

РУСАКОВЪ.

Да вѣдь другаго жалко. Глядишь, мальченка-то и не дуракъ, вѣдь можетъ изъ него бы и путный вышелъ, кабы въ руки-то взять. А то его точно какъ вихоремъ какимъ носитъ, либо кружится тебѣ, какъ турманъ; ровно какъ угорѣлый что ли... да безпутство, да пьянство. Не глядѣли-бъ глаза, кажется.

БОРОДКИНЪ.

Потому, главная причина, Максимъ Ѳедотычъ, основательности нѣтъ... къ жизни... Кабы основательность была, — ну, другое

дѣло; а то, помилуйте, Максимъ Ѳедотычъ, въ головѣ одно, какое бы колѣно сдѣлать почудней,—чтобы невиданое...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и **маломальскій** *входитъ.*

маломальскій.

Сватъ, я къ тебѣ пришелъ... примѣрно, за дѣломъ...

русаковъ.

Ну, что́ жъ, садись, милости просимъ (*Маломальскій садится. Молчаніе*). Ну, что́ жъ у тебя за дѣло?...

маломальскій.

Только, чтобъ тово... не вдругъ...

русаковъ.

Да что тамъ такое?

маломальскій.

Это, сватъ, со всякимъ можетъ... гмъ... потому, захочетъ что̀ сдѣлать, если, примѣрно... какъ ты ее удержишь или усмотришь... настоящее я тебѣ дѣло говорю...

русаковъ.

Эхъ, безтолковъ ты, сватъ.

маломальскій (*отойдя на авансцену, мигая и маня рукой Русакова*).

Поди сюда.

русаковъ.

Говори вслухъ, что́ тебѣ?...

маломальскій.

Примѣрно, такая штука... секретная...

русаковъ.

Что тамъ еще?...

маломальскій (*оглядываясь*).

Сватъ... а гдѣ у тебя дочь?

русаковъ.

Говорятъ, къ вамъ пошла, къ Аннѣ Антоновнѣ.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Говорятъ. Кто говоритъ?... Не вѣрь, врутъ, врутъ, сватъ.... Обманъ, одинъ обманъ....

РУСАКОВЪ.

Поди, проспись!... Еще у тебя, видно, хмѣль-то не вышелъ.... пьянъ еще....

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Нѣтъ, не пьянъ.... Видѣлъ.... своими глазами видѣлъ....

РУСАКОВЪ.

Да что́ ты видѣлъ-то, говори, злодѣй!...

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Ее, сватъ, видѣлъ.... ее.... Ѣдутъ.... въ колескѣ....

РУСАКОВЪ.

Съ кѣмъ?...

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Съ барином.... съ моимъ—съ постояльцемъ.... Да... я не пьяный.... я видѣлъ....

БОРОДКИНЪ.

Кое мѣсто-съ?

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

За валомъ.... на мосту....

РУСАКОВЪ (*садится къ столу и подпираетъ голову рукой*).

Господи! поддержи!... (*Молчаніе*). Сестра!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И АРИНА ѲЕДОТОВНА.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Что́ вы, братецъ?

РУСАКОВЪ.

Гдѣ дочь?

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Право, братецъ, не знаю....

РУСАКОВЪ.

Говори, сестра, говори всю правду, слышишь?

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Право, братецъ, не знаю.... Можетъ быть, Викторъ Аркадьичъ.... Они тутъ на лошадяхъ подъѣзжали....

БОРОДКИНЪ.

На чьихъ лошадяхъ! на извощичьихъ-съ?...

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Нѣтъ, на Баранчевскихъ.

БОРОДКИНЪ.

Такъ далеко не уѣдутъ-съ. — Либо у Баранчевскаго надо искать, либо по гостинницамъ-съ.

РУСАКОВЪ.

Постой ты.—Что жь она съ нимъ сѣла, да и поѣхала?

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Нѣтъ, братецъ, онъ ее насильно посадилъ.

РУСАКОВЪ.

Насильно!... *(Встаетъ)*. Что́ жь это, отцы мои! увезли дѣвушку насильно.—Помогите! Дочь мою, голубушку мою, послѣднюю мою радость. Вѣдь это разбой!... Побѣжимте!...

БОРОДКИНЪ.

Я хоть сію минуту-съ.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Поѣдемъ.... у меня, сватъ, лошадь здѣсь....

РУСАКОВЪ (*хватаясь за голову*).

Постойте! Откуда онъ ее увезъ?

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

За валомъ, братецъ, отъ мосту.

РУСАКОВЪ.

А зачѣмъ она тамъ была? Вы вѣдь въ церковь пошли?

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Мы, братецъ, гуляли.

РУСАКОВЪ (*хватая ее за руку*).

Врешь, у васъ уговоръ былъ? Говори, былъ уговоръ, говори?

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Былъ.

РУСАКОВЪ (*садится со слезами*).

Такъ зачѣмъ же мы поѣдемъ? Она своей волей уѣхала, она своей волей бросила отца, на смѣхъ людямъ, бросила старика одного горе мыкать! Дочка! не вѣкъ тебѣ будутъ радости. Вспомнишь ты и обо мнѣ. Кто тебя такъ любить будетъ, какъ я тебя любилъ?... Поживши въ чужихъ людяхъ, узнаешь, что̀ такое—отецъ!... Диви бы я съ ней строгъ былъ, или жалѣлъ для нея что. — Я-ль ее не любилъ, я-ли ее не голубилъ?... (*плачетъ*).

БОРОДКИНЪ.

Полноте, Максимъ Ѳедотычъ, пойдемте, можетъ и найдемъ.

РУСАКОВЪ.

Не трожь, Иванушка, дай мнѣ наплакаться, — потомъ легче будетъ.

БОРОДКИНЪ.

Да вѣдь ужъ слезами, Максимъ Ѳедотычъ, не поможешь; лучше пойдти поискать!

РУСАКОВЪ.

Гдѣ искать! зачѣмъ искать!

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Ахъ, братецъ, какъ вы себя убиваете. Что̀ вы безпокоитесь; они завтра сами пріѣдутъ: обвѣнчаются и пріѣдутъ.

РУСАКОВЪ (*встаетъ*).

Обвѣнчаются! Такъ нѣтъ, не хочу, не хочу! Поѣдемъ, сватъ! Отниму, коли найду. Запру въ свѣтлицу, тамъ и сиди. Пусть лучше умретъ на моихъ глазахъ, только не доставайся моему врагу.

БОРОДКИНЪ.

Мнѣ тоже прикажете?

РУСАКОВЪ.

Ты останься. Ну, сестрица, голубушка, отблагодарила ты меня за мою хлѣбъ-соль. Спасибо! Лучше бъ ты у меня съ плечъ голову сняла, ничѣмъ ты это сдѣлала. Твое дѣло! порадуйся! Я ее въ страхѣ воспитывалъ, да въ добродѣтели, она у меня, какъ голубка—была чистая. Ты пріѣхала съ заразой-то своей. Только у тебя и разговору-то было, что глупости.... всѣ рѣчи-то твои были такія вздорныя. Вѣдь тебя нельзя пустить въ хорошую семью: ты ядъ и соблазнъ! Вонъ изъ моего дома! вонъ! Чтобы нога твоя не была здѣсь!

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Вы всегда, братецъ, обижасте....

РУСАКОВЪ (*уходя съ Маломальскимъ*).

Потаскушка ты этакая! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

АРИНА ѲЕДОТОВНА И БОРОДКИНЪ.

АРИНА ѲЕДОТОВНА (*садится, плачетъ, потомъ подпявши голову*).

Ишь ты разгулялся. Ругатель, обидчикъ, мужикъ необразованный!

БОРОДКИНЪ.

А то васъ не ругать! Что́ жь, хвалить, что ли, за этакія дѣла?

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

И ты туда жь.... Ахъ, ты дрянь бородастая! молчалъ бы ужь лучше!...

БОРОДКИНЪ.

Такъ что́ жь, небойсь, хорошо сдѣлали!...

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Да вотъ какъ ни сдѣлали, а тебѣ не досталось; теперь ищите съ батюшкой-то, а ужь дѣло-то кончено; по крайней мѣрѣ, на своемъ поставили.

БОРОДКИНЪ.

Какъ бы послѣ не плакать.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Не объ тебѣ ли ужъ?... Эко несчастіе, скажите! Какого жениха упустили.... Какъ не плакать!... А посмотри-ка, какъ онъ завтра съ ней прикатитъ, да взойдетъ-то этакой кавалеръ, такъ любоваться мило-дорого будетъ.

БОРОДКИНЪ.

Хорошо, кабы вашими устами да медъ пить. — Я-бы самъ вчужѣ за Авдотью Максимовну порадовался.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Да ужь теперь не то, что прежде,—и посмотрѣть-то на нее, ты долженъ за счастье считать.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ И АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА (*входитъ, держась за дверь, и молча садится къ столу*, **АРИНА ѲЕДОТОВНА И БОРОДКИНЪ** *смотрятъ на нее въ недоумѣніи*).

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Господи! измучилась.... Ну, слава Богу, теперь, по крайней мѣрѣ, я дома....

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Дунечка! что съ тобой? Откуда ты?...

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Гдѣ тятенька?

БОРОДКИНЪ.

Они пошли-съ.... г-мъ.... недалечко-съ.... скоро придутъ....

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Мнѣ его нужно видѣть, поскорѣй.... Гдѣ онъ, скажите вы мнѣ?...

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Дунечка! бѣда у насъ: вѣдь онъ все узналъ. — Тебя искать поѣхалъ; Селиверстъ Потапычъ ему все разсказалъ, — онъ видѣлъ, какъ вы ѣхали съ Викторомъ Аркадьичемъ.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Тятенька! голубчикъ! простишь ли ты меня?... Скоро ли онъ придетъ, скоро ли?... Я измучаюсь, изстрадается мое сердце до него, вся душа изноетъ.

БОРОДКИНЪ (*Аринѣ Ѳедотовнѣ*).

Надо вамъ было говорить.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Кто стукнулъ, не тятенька ли?.... (*встаетъ, шатаясь*).

БОРОДКИНЪ (*поддерживая ее*).

А хоть бы и онъ, что жь за бѣда-съ?... Нешто вы въ этомъ виноваты, коли васъ насильно увезли.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Только, какъ мнѣ горько, кабы вы знали!... На кого была падежда, что́ онъ со мной сдѣлалъ!... Тошнехонько мнѣ!...

БОРОДКИНЪ.

Что́ же онъ съ вами сдѣлалъ-съ?

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА (*съ отчаяніемъ*).

Что сдѣлалъ?—Прогналъ.—Мнѣ, говоритъ, тебя не нужно, а нужны деньги.—А я, дура, думала, что онъ меня любитъ.

БОРОДКИНЪ.

Значитъ, Авдотья Максимовна, я такъ думаю: это дѣло надо будетъ бросить-съ.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

А тятенька-то что́ скажетъ? Что́ люди-то скажутъ?

БОРОДКИНЪ.

Позвольте мнѣ за это дѣло взяться: я его обдѣлаю какъ должно.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Вы?...

БОРОДКИНЪ.

Я-съ.—Только, Авдотья Максимовна, какъ собственно теперича этотъ баринъ за всѣ свои невѣжества не стоитъ того, чтобы вы его любили, такъ ужь я буду въ надеждѣ-съ.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Я все на свѣтѣ для васъ, только бы тятенька не гнѣвался на меня.

БОРОДКИНЪ.

А когда такъ, не извольте ничего безпокоиться, идите себѣ въ комнату, а я съ тятенькой переговорю. — А то разстроите его, да и сами отъ чувствъ даже больны можете быть. — Что́ хорошаго?...

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

У меня на васъ только и надежда!...

БОРОДКИНЪ.

Будьте покойны. (*Авдотья Максимовна уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

БОРОДКИНЪ *и* АРИНА ѲЕДОТОВНА.

БОРОДКИНЪ.

Что? Есть чему радоваться?... Убирайтесь-ка лучше отъ грѣха, пока Максимъ Ѳедотычъ не пришелъ.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Кто́ жь это зналъ, что такъ случится; я и ума не приложу.

БОРОДКИНЪ.

Говорили вамъ, кажется, такъ вы сами умнѣе всѣхъ хотите быть. Посмотрите на Авдотью Максимовну теперь, у меня ажно слезы прошибло.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Ну, вотъ, поди-жь ты, развѣ можно было ждать отъ него такого невѣжества?...

БОРОДКИНЪ.

Охъ, кабы я на мѣстѣ Максима Ѳедотыча, я бы вамъ феферу задалъ.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Полно храбриться-то.

БОРОДКИНЪ.

Что храбриться-то?... За что погубили дѣвушку?... Али вамъ это ничего?...

АРИНА ѲЕДОТОВНА (*прислушивается*).

Братецъ пріѣхалъ. (*Уходитъ въ боковую дверь, Бородкинъ притворяетъ ее*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

БОРОДКИНЪ И РУСАКОВЪ (*садится къ столу*).

РУСАКОВЪ.

Нѣтъ ее.—Ну, Иванушко, сирота я теперь. — Поди домой. Оставь меня, поди!

БОРОДКИНЪ.

Куда жь мнѣ торопиться-то, я съ вами посижу.

РУСАКОВЪ.

Нѣтъ ее, Иванушко, ну, и не надо, одинъ поживу.... имѣніе нищимъ роздамъ.

БОРОДКИНЪ.

Да помилуйте, Максимъ Ѳедотычъ, можетъ еще все это благополучно кончится.

РУСАКОВЪ.

Я ее теперь и видѣть не хочу, не велю и пускать къ себѣ, живи она, какъ хочешь! (*Молчаніе*). Я ужъ не увижу ее.... Коли кто изъ васъ увидитъ ее, такъ скажите ей, что отецъ

ей зла не желаетъ, что коли она, бросивши отца, можетъ быть душой покойна, жить въ радости, такъ Богъ съ ней! — Но за поруганіе мое, моей сѣдой головы, я видѣть ее не хочу никогда! Дуня умерла у меня! Нѣтъ, не умерла, ее и не было никогда! Имени ея никто не смѣй говорить при мнѣ!...

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ И АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА (*стоитъ на порогѣ*).

РУСАКОВЪ.

Кто? кто это?

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Я, тятенька.

РУСАКОВЪ.

Ты? А полюбовникъ гдѣ?

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Тятенька!...

РУСАКОВЪ.

Къ нему, къ нему, ступай къ нему!

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА (*твердо*).

Я не пойду изъ дому,—прогоните,—я умру на порогѣ.

РУСАКОВЪ (*молча смотритъ на нее*).

Гдѣ же тотъ-то? гдѣ врагъ-то мой?...

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Онъ меня обманулъ, онъ меня не любитъ,—ему только деньги нужны.

РУСАКОВЪ.

А! вотъ что!... Я, кажется, давича говорилъ тебѣ объ этомъ. Да гдѣ отцу знать: онъ на старости лѣтъ изъ ума выжилъ.— Ну, зачѣмъ же ты пришла?

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Куда жъ я, тятенька, дѣнусь?

РУСАКОВЪ.

Ну, что жъ, извѣстно, не гнать же мнѣ тебя (*притворно смѣется*).

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА (*падаетъ ему въ ноги*).

Тятенька! простите меня!

РУСАКОВЪ.

Простите! Нѣтъ, ты меня уморила было!... Вѣдь мнѣ теперь стыдно людямъ глаза показать, а про тебя-то и говорить нечего. Нѣтъ, голубушка, я тебя запру.—Поди. (*Отходитъ*).

БОРОДКИНЪ.

Встаньте, Авдотья Максимовна, Богъ милостивъ! дѣло обойдется какъ-нибудь. (*Поднимаетъ ее, она плачетъ, они отходятъ въ сторону и разговариваютъ въ полголоса*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и МАЛОМАЛЬСКІЙ.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Сватъ, а сватъ, я, примѣрно, молодца-то остановилъ.

РУСАКОВЪ.

Ахъ, провались онъ совсѣмъ. Мнѣ-то что за дѣло?...

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Какъ, сватъ, нѣтъ, ты не то.... Онъ этого не долженъ.... Онъ, примѣрно, теперь осрамилъ дѣвушку.... ну, и женись.... мы заставимъ....

РУСАКОВЪ.

Да мнѣ его и даромъ ненадо,—не то, что насильно заставлять.—Осрамилъ.—Ну, что жъ, нашъ грѣхъ!... Да меня золотомъ осыпь, я на него и глядѣть-то не хочу, не то чтобъ въ зятья взять.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Это къ тому, что теперича.... слухъ этотъ пойдетъ.... такъ и такъ.... и, примѣрно, разойдется по городу.... Кто ее возьметъ?

РУСАКОВЪ.

Что жь дѣлать-то, согрѣшили. На себя пѣняй!

БОРОДКИНЪ (*выступая впередъ*).

Я возьму-съ.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Гмъ!... (*мигаетъ глазомъ*). Не бери!

БОРОДКИНЪ.

Будетъ вамъ врать-то-съ. Это наше дѣло.

РУСАКОВЪ.

Нѣтъ, Иванушко, погоди, тебѣ эта невѣста не годится, я тебѣ найду другую.

БОРОДКИНЪ.

Мнѣ другой ненадобно-съ.

РУСАКОВЪ.

Тебѣ надобно дѣвушку честную, чтобъ про нее худой славы не было.

БОРОДКИНЪ.

Что́ это значитъ худая слава!—Коли я люблю Авдотью Максимовну, такъ это для меня все одно.

РУСАКОВЪ.

Да она тебя не стоитъ. Ей теперь нечего объ замужствѣ думать.

БОРОДКИНЪ.

Вы давича сами обѣщали. Я, вотъ, отъ своего слова не пячусь, а вы пятитесь.—А ужь это не порядокъ, Максимъ Ѳедотычъ!... Положимъ, хоша она ваша дочь, а за что жь ее обижать.—Авдотья Максимовна и такъ обижена кругомъ, должонъ кто-нибудь за нее заступиться. Ее жь обидѣли, да ее же и бранить. По крайней мѣрѣ, она у насъ будетъ ласку видѣть отъ меня и отъ маменьки. Что жь такое, со всякимъ грѣхъ бываетъ. Не намъ судить!

РУСАКОВЪ.

Да ты что шумишь-то?

БОРОДКИНЪ.

Да мнѣ что шумѣть-то!... Вы мнѣ обѣщали Авдотью Максимовну, и отдайте!...

РУСАКОВЪ (*подумавши*).

Да возьми, пожалуй. Эка невидаль.

БОРОДКИНЪ (*подходя къ Авдотьѣ Максимовнѣ*).

Авдотья Максимовна! не плачьте, перестаньте-съ. — Теперь васъ никто обидѣть не смѣетъ-съ. Никому не позволю.... самому Максиму Ѳедотычу, провалиться на этомъ мѣстѣ!...

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Иванъ Петровичъ! любите вы меня: меня никто не любитъ. Весь свѣтъ на меня!

БОРОДКИНЪ.

Помилуйте, Авдотья Максимовна, есть же во мнѣ какое-нибудь чувство; я вѣдь не звѣрь, и во мнѣ есть искра Божья!

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Иванъ Петровичъ! я за васъ буду вѣчно Богу молить. — Вы заступились за бѣдную дѣвушку.—Ужь коли тятенька говоритъ вамъ, что вамъ нужно дѣвушку честную, чего же мнѣ ждать отъ другихъ-то?... Этакую муку терпѣть!... Меня бъ на недѣлю не стало!... Кабы кто видѣлъ мою душу!... Каково мнѣ теперь!... Я честная дѣвушка, Иванъ Петровичъ. — Я васъ обманывать не стану. Скажите вы это всѣмъ и тятенькѣ.

РУСАКОВЪ (*пораженный*).

Эхъ-ма, сватъ, состарѣлся я, а все еще глупъ.—За что́ я ее обидѣлъ? Во гнѣвѣ скажешь слово, а его ужь не воротишь.—Слово-то какъ стрѣла.—Вѣдь иногда словомъ-то обидишь-то больше, чѣмъ дѣломъ.—Такъ ли, сватъ?... А это грѣхъ!... Душюшка! словечко-то у меня давича въ сердцахъ вырвалось, маленько оно обидно, такъ ты его къ сердцу не принимай.—Самому было горько, ну, и сказалъ лишнее.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА.

Тятенька! простите меня!

РУСАКОВЪ.

Богъ тебя проститъ, ты меня-то прости! (*цѣлуетъ ее*). Нѣтъ, Иванушко, я тебѣ ее не отдамъ!...

БОРОДКИНЪ.

Какъ же это, Максимъ Ѳедотычъ?—Это на что жъ похоже-съ?

РУСАКОВЪ.

Коли хочешь ее взять, такъ переѣзжай сюда и съ матерью, и будемте жить вмѣстѣ.

БОРОДКИНЪ.

Это-то все одно-съ, а то было ужъ я перепужался.

РУСАКОВЪ.

Сестра! поди сюда!

ЯВЛЕНІЕ XIV *и послѣднее.*

ТѢ ЖЕ И АРИНА ѲЕДОТОВНА.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Что́ вамъ угодно, братецъ?

РУСАКОВЪ.

Ну, прости меня!... теперь на радости не ссорятся!

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

И, братецъ, что́ это вы?... Да смѣю ли я обижаться?...

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

А я.... все-таки.... примѣрно.... его не отпущу....

РУСАКОВЪ.

Кого его?...

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Барина.... то-есть, ни копѣйки, примѣрно, за постой....

РУСАКОВЪ.

Ну, ужъ я за него заплачу,—только, чтобъ онъ убирался поскорѣй.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

А что, сватъ, угощеніе будетъ?

РУСАКОВЪ.

Будетъ, какъ не быть. Мы еще и не ужинали. Сестрица! приготовь-ка намъ что-нибудь поздравить жениха съ невѣстой.

АРИНА ѲЕДОТОВНА.

Сейчасъ, братецъ.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Ну, ужъ теперь, сватъ, я загулялъ.... ужь теперь вплоть до свадьбы.... Тамъ хозяйка какъ хочетъ, а я, примѣрно, гуляю!...

КОНЕЦЪ.

СТАРИННЫЙ ШЛЯХТИЧЪ.

ПОВѢСТЬ.

I.

О томъ, какъ панъ Бартошъ родился богатымъ, а послѣ сталъ бѣднымъ.

Герой моей повѣсти, панъ Бартоломей, или, какъ его обыкновенно величали, Бартошъ Орденга, былъ единственнымъ дѣтищемъ одного зажиточнаго помѣстнаго шляхтича, бѣльскаго или луковскаго земскаго судьи.

Судья, не говоря уже о томъ, что пользовался полнымъ довѣріемъ цѣлаго уѣзда, былъ обладателемъ безспорнаго имѣнія, сотняжки душъ крестьянъ и двухъ деревенекъ, находившихся, правда, на землѣ не очень плодородной, но все-таки хлѣбной; прибавьте къ тому еще большую пасѣку, два пруда, нѣсколько десятинъ дубоваго лѣса, сколько-то десятинъ богатаго сѣнокоса,— то и выходитъ, что панъ судья кушалъ въ постъ свою рыбку, по праздникамъ у него была своя дичина, въ будни вкусный кусокъ мяса, а за всякое—просто мягкій хлѣбъ изъ собственной муки и липовый медъ со своей пасѣки. Большаго, впрочемъ, онъ и не желалъ, особенно когда на черный годъ въ закромѣ былъ у него порядочный запасецъ хлѣба, а въ сундукѣ малая толика албертинскихъ ефимковъ.

Жилъ онъ такъ счастливо, что, право, было завидно: ѣлъ, пилъ вкусно, охотился, водилъ дружбу съ сосѣдями, служилъ

исправно, духовенству всегда въ срокъ выплачивалъ десятину, съ женой то ссорился, то мирился, и баловалъ сына.

Сыномъ его, какъ ужь я сказалъ, былъ нашъ Бартошъ.

Мальчуганъ былъ тихъ и скроменъ, достоинъ лучшей участи, но что жь дѣлать, когда, подобно Яну Казимиру, родился подъ несчастнымъ созвѣздіемъ.... все ему какъ-то не везло.

Когда онъ былъ еще въ пеленкахъ, за панькой его, дѣвкой пригожей, погнался молодой парень, отчего она уронила ребенка на землю; изувѣченный паденіемъ, онъ долго былъ при смерти.

Выздоровѣвъ какимъ-то чудомъ, Бартоша, когда подросъ не много, гоняясь однажды въ саду за мотыльками, упалъ въ прудъ: на его счастье прибѣжалъ садовникъ и вытащилъ его полумертваго; въ другой разъ чуть собаки не загрызли; кошка выцарапала глазъ; товарищъ, экономскій сынишка, голову проломилъ камнемъ, наконецъ мать причинила ему послѣднее зло, какое только мать можетъ причинить несовершеннолѣтнему сыну—взяла, да умерла.

Судья, овдовѣвъ, былъ еще въ силахъ, здоровъ, смотрѣлъ такимъ молодцомъ, къ тому же не любилъ одиночества, а главное послушался совѣтовъ друзей и родныхъ, вслѣдствіе чего и прінскалъ Бартошу мачиху.

Съ мачихой новое горе Бартошу; сбылась надъ нимъ старинная пѣсенка:

Злая мачиха-змѣя
Извела совсѣмъ меня:
Все колотитъ, да бранитъ,
Ѣсть до сыта не велитъ.

Не завидна была участь Бартоши. Одѣвали его, какъ дворового мальчишку; кормили, какъ сороку въ клѣткѣ, когда хотятъ заставить ее говорить; не разъ случалось ему испытывать материнскія нѣжности, въ родѣ тѣхъ, которыя оставляютъ по себѣ слѣды синяковъ на спинѣ, либо волдырь на лбу.

Если скупо давали ему пищу и одежду, за то щедро бранили: поднимется рано,—зачѣмъ не лежалъ въ постели; встанетъ поздно—называли нѣженкой; бранили за завтракомъ, за обѣдомъ, за ужиномъ, такъ что бѣдный мальчикъ, въ теченіе пяти лѣтъ, про-

веденныхъ подъ надзоромъ мачихи, не слыша отъ нея никакихъ другихъ выраженій, кромѣ слѣдующихъ: «ничего изъ тебя путнаго не будетъ, дармоѣдъ ты эдакой, не стоишь и того, чтобы мать-земля-то тебя носила,» и т. п., дѣйствительно могъ подумать, что это единственныя слова, которыми выражаются мачихи, когда желаютъ приласкать своихъ пасынковъ.

Пришелъ, впрочемъ, конецъ и домашнему горю.

Разъ, утромъ, панъ судья былъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа, что̀ съ нимъ рѣдко случалось. Хотѣлъ отправиться на охоту—пошелъ дождь; вздумалъ навѣстить сосѣдей—жена не пустила; послалъ было за ксёндзомъ пробощемъ, съ приглашеніемъ поиграть въ карты, но и тотъ отказался подъ предлогомъ головной боли и кашля.

Отъ нечего дѣлать началъ онъ сердиться, бранить слугъ и душить мухъ, наконецъ всѣхъ перебранивъ и задушивъ дюжины двѣ мухъ, отъ скуки сталъ пересматривать единственныя, находившіяся въ домѣ, бумаги: хозяйственныя записки и календари. По какому-то случаю попался ему подъ руку одинъ изъ этихъ календарей, запачканный, измятый и покрытый многолѣтнею пылью.

Машинально перелистывая его, судья нашелъ слѣдующія строки, начертанныя собственною его рукой:

«*Die 11 mensis Augusti* отелилась пестрая корова съ бѣлой лысиной на лбу, *dicta* Грушка; теленокъ двѣ капли похожъ на мать, только что безъ лысинки; не знаю, что̀ съ нимъ дѣлать, то ли оставить на племя, или продать подъ зарѣзъ барышнику Мовшѣ.»

«*Die 12 mensis ejusdem.*—Цѣлый день ненастье; жена хвораетъ.»

«*Die 14 ejusdem*—послалъ нарочнаго съ лошадьми въ Луковъ за бабкой; по моему разсчету скоро прійдется справлять крестины, даровалъ бы только *omnipotens Deus* сына!»

«*Die 17 ejusdem mensis, Deo omnipotenti laus et gloria,* сегодня, въ третьемъ часу по-полуночи, дражайшая моя супруга Марта, урожденная дочь фортъ-шнейдера Водзинскаго, разрѣшилась отъ бремени, чего я желалъ *corde et anima mea*, младенцемъ *generis masculini*; ребенокъ здоровъ, веселъ, лицомъ при-

гожъ, походитъ на меня. Родился въ сорочкѣ, добрый знакъ, будетъ счастливъ; о чемъ отъ всего сердца, яко рабъ недостойный, умоляю Всемогущаго Создателя *coeli et terrae.*»

«NB. Нужно увѣдомить объ этомъ сосѣдей; не могу придумать, кого бы позвать въ кумовья. Женѣ хочется камер-юнкера, а мнѣ камергера, поелику извѣстная особа, какъ по богатству, такъ и по знатности; можетъ со временемъ взять мальчика подъ свою протекцію, *sub umbra alarum suarum*.»

Окончивъ чтеніе воспоминаній, судья началъ высчитывать на память, и высчиталъ, что его Бартошу, котораго актъ о рожденіи онъ отыскалъ въ календарѣ, какъ разъ минуло двѣнадцать лѣтъ.

— Время малому за книгу,—проворчалъ отецъ, — двѣнадцать лѣтъ—самая пора, надобно попробовать, что онъ знаетъ; — эй, Бартошка!

Сынъ явился на зовъ, грязный и оборванный, какимъ всегда ходилъ послѣ смерти матери.

Судья выбранилъ его за такое неряшество, а потомъ спросилъ:

— Ну, мосци пане, знаешь ли ты, зачѣмъ я тебя звалъ?

Сынъ вытаращилъ на него глаза.

— Не знаю, батюшка.

— *Stultus* ты, если не знаешь. Вчера былъ день твоего рожденія.

— Я не зналъ этого.

— *Asinus* ты, если не зналъ, — кто жь не знаетъ, когда родился? Ну, такъ знаешь, по крайней мѣрѣ, сколько тебѣ лѣтъ?

Сынъ почесалъ въ затылкѣ.

— Почемъ же мнѣ знать? нянька Агатка знала, да умерла прошлаго года.

— Ты родился въ 1651 году, теперь 1663,—сколько же, сдѣлай вычитаніе.

Мальчикъ въ жизнь свою не слыхивалъ о вычитаніи, поэтому никакъ не могъ понять, о чемъ говорилъ отецъ, напрасно только ломалъ голову, чтобъ угадать число своихъ лѣтъ.

Судья разсердился.

— Такъ ты и вычитанія не знаешь?

— Нѣтъ, батюшка.

— Умноженія не знаешь?

— Тоже нѣтъ.

— Ну, по крайней мѣрѣ, дѣлаешь сложеніе?

— И не слыхалъ никогда о немъ.

— Не слыхалъ, когда тебѣ ужь двѣнадцать лѣтъ,—да что жь ты умѣешь, провалъ тебя возьми?

— Ничего не умѣю, батюшка.

Откровенное признаніе не укротило отцовскаго гнѣва. Началъ онъ экзаменовать сына, и ни коимъ образомъ не могъ понять, какъ таки онъ ничего не знаетъ, не только азбуки и счета, но даже и молитвы всѣ перезабылъ.

Это его ужасно взбѣсило. Вторя супругѣ, онъ выбранилъ своего первенца лѣнтяемъ, дармоѣдомъ, осломъ, жаловался на то, что судьба сдѣлала его отцомъ такого невѣжи. Желая положить конецъ злу, онъ высѣкъ порядкомъ сына, посадилъ въ повозку и повезъ въ луковскую коллегію отцовъ іезуитовъ.

Бѣдный Бартоша попалъ изъ огня да въ полымя: дома житья не было отъ мачихи, а теперь грозили розги отцовъ педагоговъ.

Сколько онъ получилъ по спинѣ розогъ, трудно себѣ представить, и не мало бы тотъ удивился, если бы кому вздумалось, хотя примѣрно, опредѣлить это число. Я увѣренъ, что и читатель придетъ въ изумленіе, если я приблизительно скажу, что ихъ было не болѣе, не менѣе, какъ двѣнадцать тысячь.

По всей вѣроятности, читатель возразитъ мнѣ, что я ошибаюсь, что послѣ подобнаго количества мяса на костяхъ не останется. Но что я сказалъ правду, я могу это доказать.

Бартошъ пробылъ въ училищѣ десять лѣтъ; десять лѣтъ, не считая высокосныхъ, составятъ три тысячи шестьсотъ пятдесятъ дней; считая на день только по четыре розги, общій итогъ значительно превыситъ то число, которое я сказалъ.

Правда, что нужно изъ этого числа вычесть дни счастливые, какъ напримѣръ, пасху, масляницу, Рождество, день Іоанна Крестителя, патрона ксёндза ректора, день Іоанна Богослова, патрона студентовъ, Троицу, каникулы и т. п., когда строгіе наставники

смотрѣли сквозь пальцы на шалости своихъ питомцевъ; за то ужъ несчастныхъ дней было съ избыткомъ, особенно вторники и пятницы, въ которые производились судъ и расправа; тогда доставалось на долю виновнаго ужъ не по четыре, а по десяти и болѣе розогъ. Считая всѣ эти дни, какъ счастливые такъ и несчастные, легко получимъ цифру позначительнѣе вышеупомянутой.

Но спросятъ, за что же такъ жестоко наказывали? Отвѣтъ не труденъ. Бартоша былъ туповатъ; іезуитская латынь ни коимъ образомъ не могла ужиться въ его головѣ. Отцы іезуиты строго придерживались стиховъ, приведенныхъ ими, въ примѣръ возвышенной дидактической поэзіи, на послѣдней страницѣ учебника:

Самъ рокъ дѣтей наказывать велитъ;
Здоровью то нисколько не вредитъ.
Лоза придастъ ума и благочестья....
И соблюдетъ бесѣды злой нечестья....

И такъ далѣе, все на этотъ ладъ.

Къ тому же Бартоша воспитывался почти изъ милости. Судья, пстый литвинъ, человѣкъ отъ природы разсчетливый, во всемъ привыкшій повиноваться своей дражайшей половинѣ, очень скупо платилъ за содержаніе и обученіе своего первороднаго дѣтища. По условію съ отцами іезуитами, онъ ежегодно давалъ имъ пятьдесятъ тимфъ (*) звонкою монетой, четверть гречневыхъ крупъ, столько же просовыхъ, куль муки, шесть возовъ дровъ и пудъ солонины.

Какъ видите, не очень-то много.

Не удивительно поэтому, что наставники, чего не доставало изъ платы за ученика, то наверстывали на его спинѣ; не разъ случалось ему отвѣчать за своихъ товарищей, ясновельможныхъ и вельможныхъ панчей, платившихъ щедро,—бывало, они провинятся, а его сѣкутъ, приговаривая виноватымъ: «извольте смотрѣть, такъ вотъ и васъ высѣкутъ, если не исправитесь.»

Имѣла ли свое дѣйствіе подобная мѣра наказанія, приведенная въ исполненіе на третьемъ лицѣ, не знаю; но достовѣрно то, что бѣдный Бартоша страдалъ, самъ не зная за что.

(*) Тимфа—старинная польская монета.

Не думайте, впрочемъ, что двѣнадцать тысячъ лозъ имѣли вредное вліяніе на его здоровье.

Въ то время, когда всѣ его нѣжили, и покойница мать, и и отецъ, и цѣлый домъ, онъ постоянно чѣмъ-нибудь прихварывалъ: то голова болѣла, то давило подъ ложечкой, то канель душилъ, горло, бывало, перехватитъ, то жаловался, что не доѣлъ, то переѣлъ; теперь же напротивъ: у отцовъ іезуитовъ терпѣлъ и голодъ и холодъ, и сѣкли за частую, а здоровье откуда бралось, такъ что когда выросъ, то сталъ такимъ бравымъ молодцомъ, для котораго всякая бѣда была ни по чемъ.

Тогда какъ сынъ входилъ такимъ образомъ въ лѣта и силы, отецъ ломалъ голову, придумывая, что бы изъ него сдѣлать? То ему хотѣлось пріучить его къ хозяйству, то сдѣлать юристомъ, то наконецъ отдать въ военную службу или помѣстить при дворѣ какого-нибудь ясновельможнаго магната.

Между тѣмъ какъ онъ хлопоталъ объ этомъ, попивая дома медъ, а въ ближнемъ мѣстечкѣ вино, и чтобъ кровь у него не застоялась, частенько любилъ подраться на сабляхъ съ своими сосѣдями,—разъ дѣло зашло далеко, и одинъ изъ пановъ-братьевъ, вызвавши его на дуэль, такъ неловко хватилъ его по головѣ, что не только мозгъ, да и душа вылетѣла изъ тѣла.

Отцы іезуиты, какъ люди благоразумные, зная домашнія отношенія Бартоша, сейчасъ смекнули, что мачиха не захочетъ больше платить за содержаніе и обученіе своего пасынка; вслѣдствіе чего ксёндзъ ректоръ исключилъ бѣдняжку изъ училища, съ слѣдующими словами:

— Родитель твой померъ, оставивъ послѣ себя порядочное состояніе, кой-что достанется и на твою долю: ступай же получать наслѣдство, а заживешь своимъ домомъ, не забывай тѣхъ, которые столько лѣтъ образовывали твое сердце и голову.

Малый обѣщался быть признательнымъ по гробъ, связалъ въ узелокъ свои пожитки, узелокъ надѣлъ на палочку, и, закинувъ его за плечи, пустился въ путь на свою родину по образу пѣшаго хожденія.

Пани судейна, мачиха Бартоша, была женщина рѣшительная: необыкновенная сила воли, ума въ головѣ палата; принесши покой-

ному судьѣ порядочное приданое, увеличивъ его вдвое состояніемъ мужа, она вознамѣрилась обѣ деревеньки обезпечить дѣтямъ, которыми Богъ благословилъ ея супружескій союзъ.

Слѣдствіемъ такихъ намѣреній было то, что когда Бартошъ пожаловалъ подъ родной кровъ, его приняли не совсѣмъ-то какъ роднаго, а какъ грабителя и заклятаго врага дѣтей, родившихся отъ втораго брака.

— Зачѣмъ пожаловалъ? что́ тебѣ здѣсь дѣлать? — таково было первое, не совсѣмъ-то радушное привѣтствіе мачихи.

Бартоша бросился въ ноги, обнялъ ея колѣни.

— Маменька, вѣдь покойный панъ судья, родитель мой, померъ.

— Ну, такъ что жъ изъ того, что померъ.

Малый почесалъ въ залылкѣ; ему задали такой вопросъ, на который, все равно какъ нѣкогда въ коллегіи у іезуитовъ, трудно было отвѣчать: къ-счастію или, лучше сказать, на свою же бѣду, вспомнилъ онъ прощальное слово ксёндза ректора.

— Пришелъ жить своимъ домомъ,—отвѣчалъ онъ смѣло.

— Гдѣ жъ это ты думаешь жить своимъ домомъ? насмѣшливо спросила мачиха.

Гдѣ?—Новое затрудненіе; но и тутъ нашелся отвѣтъ.

— Да гдѣ же больше, любезная маманька, какъ не въ имѣніи покойнаго тятеньки.

Такое простодушное признаніе вывело изъ терпѣнія судейшу. Толстыя жилы на лбу налились у нея кровью, щеки зардѣлись яркимъ румянцемъ.

— Ахъ ты разбойникъ! Бездѣльникъ ты эдакой! Такъ ты пришелъ жить на чужой счетъ, лишить куска хлѣба моихъ бѣдныхъ дѣтей, меня самое ограбить, разорить, выгнать хочешь?

— Избави Боже! съ покорностію возразилъ мальчикъ, не понимая въ простотѣ души своей гнѣва мачихи: я вовсе не думаю кому-нибудь сдѣлать зло, а тѣмъ болѣе вамъ, маменька, или вашимъ дѣтямъ; я хочу получить только то, что̀ прійдется на мою долю послѣ покойнаго тятеньки, отдайте мнѣ деревню—и квитъ.

Отвѣтъ этотъ переполнилъ мѣру раздраженія, съ бо̀льшею силою вылилось оно наружу.

— Если сію же минуту ты не уберешься отсюда прочь,— вскричала она,—я велю тебя затравить собаками!

И дѣйствительно, когда Бартошъ медлилъ, она привела въ исполненіе свой жестокій приговоръ.

— Что́ мнѣ бѣдному теперь дѣлать? спрашивалъ себя мальчикъ, когда, обратившись въ бѣгство отъ злой мачихи и не менѣе злой своры собакъ, онъ увидѣлъ вдали за собой отеческій кровъ и очутился на чистомъ полѣ, въ обширномъ Божіемъ свѣтѣ, безъ родныхъ, безъ друзей, голодный, жаждущій, съ душою и тѣломъ, равно облитыми кровью.

Между тѣмъ какъ онъ, сидя на пограничной межѣ, горевалъ такимъ образомъ, думая и передумывая о своей участи, по дорогѣ раздались веселыя пѣсни и громкія восклицанія возвращавшихся съ ярмарки и немного подгулявшихъ крестьянъ.

Всѣ они, какъ крѣпостные покойнаго судьи, знали Бартоша и окружили плачущаго.

— О чемъ же такъ, паничу, плачешь?—спросилъ одинъ изъ толпы, тотъ, который всѣхъ былъ важнѣе, голова и гордость цѣлой деревни.

— Развѣ не знаешь, мой добрый Григорій, что покойный судья, мой тятенька, померъ?

— Истинная правда, что́ и говорить; по всему свой конецъ, пора и паничу перестать горевать.

— Хорошо тебѣ говорить; по горемычному все горе, а мнѣ вдвое.

И онъ снова заплакалъ; голова уговариваетъ его и утѣшаетъ.

— Перестань же печаловаться, мой паничу, говоритъ онъ, лучше встань-ка, да ступай въ деревню, что́ тутъ плакать, мы тебя проводимъ.

Бартоша вздрогнулъ, точно кто ему погрозилъ самымъ ужаснымъ наказаніемъ.

— Оборони Богъ, мой добрый Григорій,—въ деревню ни за что не пойду.

— Отчего же? спросилъ изумленный крестьянинъ, вѣдь не здѣсь же, на перекресткѣ, приличнѣе жить панычу, а въ господскомъ домѣ.

— И я было такъ думалъ, пришелъ домой, да маменька не хочетъ меня пустить.

— Какъ такъ? не хочетъ пустить старшаго въ домѣ, родное дѣтище пана судьи? Дай ему, Господи, царство небесное!

— Мало того, что не пустила, да еще и собаками чуть не затравила, совсѣмъ было загрызли.

— Собаками! Панича! Быть не можетъ!

— Однакожъ это правда, повѣрь мнѣ;—и онъ показалъ изорванный кафтанъ и окровавленное тѣло.

Голова покачалъ головой, подумалъ.

— Должна же она имѣть какую-нибудь причину, проговорилъ онъ.

— А такъ—говоритъ, что я дармоѣдъ, бродяга, грабитель, что изъ наслѣдства на мою долю не приходится ни полушки, что все движимое и недвижимое принадлежитъ ей и младшимъ братьямъ.

Простой крестьянскій разсудокъ никакъ не можетъ согласиться съ подобнымъ раздѣломъ имущества; они качаютъ головами, перешептываются о чемъ-то между собой; наконецъ голова снова обращается съ вопросомъ:

– А что же вы, панычу, думаете дѣлать съ собой?

— Почемъ же я знаю,—отвѣчалъ со слезами малый,—надо будетъ пойдти куда-нибудь, хоть въ работники.

— Въ работники?—повторяетъ изумленный крестьянинъ,—панычь, самый старый сынъ покойнаго судьи, панъ наслѣдникъ!

— Что́ же мнѣ дѣлать? Отцы іезуиты выключили изъ коллегіи, маменька къ себѣ не пускаетъ, въ экономы не гожусь, учителемъ быть не способенъ.

Голова почесалъ затылокъ, обратился къ товорищамъ, отвелъ въ сторону тѣхъ, которые были постарше и позначительнѣе въ деревнѣ, и послѣ короткаго, но жаркаго объясненія, снова подошелъ къ Бартошъ.

— Паничу, — сказалъ онъ, — теперь трудно намъ придумать что-нибуть доброе, пойдемъ съ нами, паничь, въ деревню, мы тебя накормимъ, переночуешь у насъ, а завтра можетъ найдется совѣтъ получше.

Мальчикъ колебался съ перваго разу, боясь мачихиной псарни, но такъ какъ голова обѣщалъ защиту и покровительство въ случаѣ опасности, то наконецъ согласился исполнить его желаніе.

Добрые крестьяне приняли его радушно, накормили ветчиной и яишницей, напоили пòлпивомъ и уложили въ чуланѣ; а сами запли въ корчму, и зазвали къ себѣ органиста, единственнаго грамотнаго человѣка въ деревнѣ, долго и мудро судили, подкрѣпляя себя пѣнникомъ.

На другой день голова чуть свѣтъ разбудилъ спящаго Бартоша.

— Голубчикъ паничу, сказалъ онъ, во всемъ этомъ есть что-то такое, чего мы никакъ не можемъ взять въ толкъ; вѣдь паничъ самый старшій изъ дѣтей у покойнаго тятеньки?

— Разумѣется, всѣ это знаютъ.

— А если старшій, то паничъ по праву долженъ владѣть деревнями; такъ ужь изстари ведется, что старшій въ родѣ наслѣдникъ послѣ отца.

— И я то же думаю, да что́ жь, когда маменька говоритъ иначе.

— Вотъ тутъ-то и бѣда, тѣмъ больше, что и органистъ говоритъ, что у нея есть на это какая-нибудь причина.

— И мнѣ такъ кажется, что должно быть есть, но какая? вотъ ужь этого не могу понять.

— Поэтому-то, паничъ, вамъ и надобно удостовѣриться въ этомъ, и, какъ совѣтуетъ органистъ, пойдти въ городъ, справиться съ бумагами, да посовѣтоваться съ юристами.

— Посовѣтоваться съ юристами!

— Если маменька ваша права, то надо предаться волѣ Божіей, и дѣло кончено; если же она поступаетъ самоуправно, изъ корыстолюбія то-есть, такъ слѣдуетъ съ ней потягаться.

— Съ ней тягаться!

— Ужь что ни говори, а по закону паничъ долженъ получить деревни себѣ.

Бартоша сначала было очень обрадовался, скоро, впрочемъ, печально покачалъ головой.

— Добрый Григорій, этого быть не можетъ.

— Отчего же, голубчикъ нашъ паничъ?

— Нечего и думать о судѣ.

— Это же какъ?

— Покойный тятенька говаривалъ, что кто хочетъ судиться, тому нужно имѣть три вещи: деньги, умъ и друзей, а у меня ничего этого нѣтъ.

— Да, но вѣдь можно найдти. Что касается до друзей, покойникъ вашъ тятенька былъ въ дружбѣ со всѣми сосѣдями, всѣ любили его, какъ брата.

— Правда, но что имъ до меня за дѣло?

— Съ отцомъ были дружны, не забудутъ и о сынѣ, надобно только, чтобъ паничъ повидался съ ними, попросилъ ихъ помощи.

— Все-таки хоть и найдутся пріятели, другаго не хватаетъ, вотъ, примѣрно сказать, ума, церковную службу мало-мало понимаю, а тутъ надо знать много кое-чего: *volumina legum*, *constitutiam*, *regressa* и Богъ знаетъ что еще.

— На то есть юристы, это ихъ дѣло, паничъ навѣдается къ нимъ.

— Такъ-то такъ, да у юристовъ безъ денетъ ничего не сдѣлаешь; «подмажь, да поѣзжай», говаривалъ покойникъ тятенька.

— Сущая правда, поэтому-то, добрый панечко, у насъ есть просьба до вашей милости.

— До меня? а какая?—спросилъ Бартоша, удивившись тому, будто кто можетъ о чемъ просить его, такого бѣдняка.

Голова продолжалъ, кланяясь ему до земли:

— Паничъ бѣденъ, мы то жь, но паничъ первородный сынъ нашего пана, значитъ нашъ будущій панъ; въ такомъ случаѣ мы обязаны пособить ему, чѣмъ только можемъ. Намъ удалось собрать малую-толику деньжонокъ, возьми же ихъ, паничъ, себѣ

на разживу, а достанешь себѣ деревеньки, тогда будешь для насъ такимъ же добрымъ паномъ, какими были твой отецъ и дѣдъ.

И, запустивъ въ пазуху руку, досталъ оттуда нѣсколько серебряныхъ монетъ, завернутыхъ въ грязную тряпицу. Бартошъ взялъ ихъ безъ особенной признательности: такая доброта казалась ему дѣломъ весьма обыкновеннымъ.

Запасшись такимъ образомъ деньжонками, онъ началъ навѣщать родныхъ и пріятелей покойнаго судьи.

Первый, къ которому онъ явился, былъ его крестнымъ отцомъ, шляхтичъ высокаго роста, съ сѣдыми усами и такой же чуприной. Старость еще не ослабила его тѣлесныхъ силъ, за то произвела вліяніе на его умъ: сдѣлала его осторожнымъ, разсудительнымъ, политикомъ, какъ тогда называли. Выслушавъ просьбу Бартоши, онъ закрутилъ свои усы, погладилъ чуприну и сказалъ:

— А, ей-ей, правда, ихъ милость, пани судейша не очень-то ловко поступила съ вами; хоть она и имѣетъ пожизненное право, все-таки должна была уважить кровь покойнаго мужа.

— Такъ вы считаете, что я правъ?

— Я ничего не говорю такого, а....

— И вы поможете мнѣ?—прервалъ его обрадованный Бартоша,—я съ перваго разу подумалъ, что вы такіе добрые.

— Стольникъ подтянулъ покрѣпче поясъ, закусилъ свой длинный усъ и немного замялся.

Мосци добродзѣю, вы больно прытки; что́ вы хотите, чтобъ я сдѣлалъ?

— Напишите только, чтобъ не обижали меня бѣднаго.

— Написать пожалуй напишу; ну а какъ меня не послушаютъ?

— Соберите людей и сдѣлайте такъ, какъ дѣлывалъ мой покойникъ тятенька, когда, бывало, арендаторы не платятъ въ срокъ: нагряньте на нихъ, да и выгоните вонъ.

Подобная мѣра не понравилась осторожному стольнику, почему онъ долго и пространно началъ доказывать, что каждая вещь должна имѣть свое естественное теченіе, и что основаніемъ каждаго дѣла долженъ быть законъ. Въ заключеніе объяснилъ

по книгѣ законовъ, припоминая страницы, статьи и годы узаконеній, какія жестокія наказанія опредѣлены нарушителямъ общественнаго спокойствія, ихъ соучастникамъ, укрывателямъ и проч.

— Но если меня обижаютъ, развѣ я не смѣю на это жаловаться!—сказалъ Бартоша, какъ скоро замолчалъ стольникъ, утомленный получасовою рѣчью.

— Этого я не говорю,—былъ отвѣтъ,—но на все есть средство. Какъ я прежде сказалъ, подайте въ судъ.

— То же совѣтовалъ и голова Григорій, а все-таки прибавилъ, чтобъ я побывалъ у пріятелей и родственниковъ покойнаго родителя и попросилъ ихъ помочь мнѣ деньгами, совѣтомъ и ходатайствомъ у юристовъ.

Стольникъ наморщилъ лобъ, какъ обыкновенно мы это дѣлаемъ, когда кто обращается къ намъ съ просьбою касательно денежныхъ обстоятельствъ или проситъ совѣта. Начались жалобы на плохія времена: годъ былъ тяжелый, говорилъ онъ, хлѣбъ побило градомъ, остальное дождемъ сгноило, скотъ валится и т. п.

— По крайней мѣрѣ, замолвите за меня словечко господамъ депутатамъ.

Это ужь было послѣднее дѣло, но и тутъ стольникъ не поддался, опасаясь огорчить сосѣдку свою судейшу.

Подобно ему поступили съ Бартошей и прочіе друзья и родные покойнаго судьи, такъ что бѣдный малый, потерявъ нѣсколько недѣль на безплодное путешествіе, износивъ кафтанъ и сапоги, сдѣлалъ то, что̀ долженъ былъ сдѣлать сначала, то-есть отправиться въ Люблинъ, гдѣ находилась въ то время судная палата, съ тѣмъ, чтобъ ввѣрить свое дѣло покровительству статутовъ и законовъ.

(*Продолженіе въ слѣд. книгѣ*).